

А. Мефодиев
Секретарша

Москва
2009

ББК: 84(2Рос=Рус)6

М41

Мефодиев А.

М41 Секретарша. — М.: Летний сад, 2009. —
288 с.

ISBN 978-98856-023-4

© А. Мефодиев, 2009
© «ПринтДизайн»,
оригинал-макет, оформление,
2009

Секретарша

— Как пообедал? — спросил Кирилл Федорович Песков своего коллегу Никиту Петровича Никитина. Они были на «ты».

— Спасибо, бывало и получше, — улыбаясь, ответил ему Никита Петрович, думая при этом: «Определенно, в нем есть что-то неприятное».

Они оба занимали должности вице-президентов большой корпорации. Их кабинеты примыкали друг к другу. У них была одна приемная и одна секретарша на двоих.

— Как сам? — в свою очередь поинтересовался Никита Петрович.

— Спасибо, хорошо, — приветливо отвечал ему Песков.

На том они и расстались. Никита Петрович вошел в свой большой кабинет и сел в массивное кожаное кресло.

Надо отметить, что Никита Петрович Никитин был большой любитель фотографий. Они у него были повсюду.

Прямо над изголовьем его кресла красовался портрет Президента страны. На противоположной стене разместились портрет Президента их корпорации. Остальные многочисленные фотографии, отображающие Никиту Петровича здороваящимся, либо просто находящимся в компании с разными высокопоставленными людьми, были расставлены по всему периметру его кабинета таким образом, чтобы любой к нему вошедший без излишних пояснений наглядно мог себе представить и большую значимость хозяина

кабинета, и всю степень его лояльности как властям фирмы, так и властям всей страны.

На массивном столе Никиты Петровича стояли фотографии жены и детей. Их он тоже иногда показывал посетителям, но лишь тем из них, с кем отношения переходили в доверительное русло. Демонстрация семейных фотографий позволяла любому пришедшему без излишних объяснений понять, что Никита Петрович не просто человек большого полета, но еще и примерный семьянин.

Особо пытливый посетитель при более детальном осмотре кабинета Никитина мог обнаружить ряд фотографий, находящихся за стеклом большого шкафа, содержащего, кроме них, сувениры, подаренные Никите Петровичу разными большими людьми. Фотографии эти являли собой завершающий мазок

к портрету Никитина и создавали наглядное представление о способе проведения его досуга. На них он выступал в роли игрока, неудержимо несущегося к воротам противника на футбольном поле, а также в виде счастливого полушария победных кубков.

Иной читатель мог бы засомневаться, может ли такое количество примерных качеств, как то: лояльность, недюжинный карьерный рост, спортивные достижения и, наконец, любовь к семье и детям, — сочетаться в одном человеке. Мы же ответим, что да, бывает, встречаются такие люди.

И вот как раз такой человек, Никита Петрович Никитин, сидел и беспокойно ерзал в своем массивном кожаном кресле. Прошло уже минут тридцать, а он все никак не мог сосредоточиться на деловых вопросах. Несколько раз он перевернул инкрустированные драго-

ценными камнями песочные часы, чей-то подарок, стоящий у него на столе.

«Какая все-таки бессмысленная вещь, — подумал он. — И как только ими определяли время в прошлом? Без конца переворачивали, что ли? Но я-то нашел вам применение, — улыбнулся песочным часам Никита Петрович. — Пришел посетитель, а я, так это, между делом, раз, и перевернул часы. Посыпался песочек. И, само собой, понятно стало, время Ваше, дорогой посетитель, пошло на убыль. Поторопитесь. Нечего здесь засиживаться».

Никита Петрович тяготел к ясности в поступках и чувствах. А потому сейчас, ерзя в кресле, чувствовал беспокойство, вызванное неопределенностью причин своего раздражения Песковым. «Чем, действительно, он мог меня раздражать? Вроде бы нормальный человек. Такой же начальник, как и он сам. Тоже любит

фотографии. Зайди к нему в кабинет, и сразу ясно, перед Вами значимая фигура, с которой считаются сильные мира сего. Примерный семьянин и спортсмен к тому же. Чем же он, спрашивается, может не нравиться? — логически мыслил Никитин. — Вот разве что...» — и Никита Петрович вспомнил недавний разговор во время их совместной трапезы в обеденное время. Как-то неприятно Песков говорил о секретарше. Как будто о лошади говорил, а не о человеке. Детально рассуждал о достоинствах ее груди, толковал о ее длинных загорелых ногах, о пышных волосах. «Уж не намеревается ли он вступить с ней в интимные отношения? А может быть, уже вступил?» — думал Никита Петрович и сам себе тут же отвечал: «А если и так, то мне что с того? Я к этому отношения не имею. Я на работе ни-ни. Ходит какая-то секретарша. Пусть

даже и чья-то любовница. А мне, какое дело?»

«Э нет, милый друг, — сам себе отвечал Никита Петрович, — тут не все так просто! Все эти любовные шуры-муры могут оказать негативное влияние на работу! Да. Захочешь, например, соединиться с кем-нибудь по телефону, а секретарши-то и нет. Занимается не пойми чем в кабинете с другим начальником! И к порядку не призовешь. Если что, то работали с документами. Безобразия, одним словом».

Поразмышляв еще немного в таком ключе, Никита Петрович набрал номер секретарши. В трубке послышался голос Ирины:

— Как Вы пообедали, Никита Петрович?

«Иуда», — почему-то подумал Никитин и сказал:

— Ирина, соедините меня, пожалуйста-ста, с Луниным.

— Одну минуточку, Никита Петрович, я Вам перезвоню, когда он будет на трубке.

В ожидании соединения Никитин переворачивал песочные часы и, не дождавшись обещанной связи, перезвонил секретарше.

— Ну и где Лунин, Ирина?

— Его нет на месте, — отвечала секретарша.

— Так перезвонили бы мне, я же сижу и жду. Говорил же Вам много раз.

— Никита Петрович, я еще не успела. Только повесила трубку. Говорила с его офис-менеджером.

— Каким еще офис-менеджером? С секретаршей, что ли?

— Можно, конечно, и так сказать, но должность называется офис-менеджер, Никита Петрович, — с достоинством отвечала Ирина, вкладывая в свою фразу скрытый упрек.

«Понабрали молодежи в секретарши, — думал Никита Сергеевич, — ведь много раз говорил, давайте будем брать в секретари опытных женщин среднего возраста, которые профессионально не нуждаются ни в каком обучении, знают свои обязанности, и название своей должности не вызывает у них внутренней неприязни! А эти молодые, им бы только попой вертеть! Только и думают, как бы какой-нибудь другой работой заняться. Время и нервы тратишь на их обучение, а потом они находят себе что-нибудь поинтереснее».

Раздался звонок телефона.

— Да, Ирина, — отвечал Никитин.

— Никита Петрович, Лунин на проводе, — сообщила секретарша.

«Как она игриво разговаривает, — подумал Никита Петрович, улыбаясь. — Есть, есть в молодости свое очарование, что ни говори!»

После разговора с Луниным раздался телефонный звонок.

— Да, Ирина, — отвечал Никитин.

— Никита Петрович, я хотела бы зайти. Вы не заняты?

— Я всегда занят, Ирина, — ответил он ей, — но для Вас у меня найдется время, — при этих словах Никита Петрович рассмеялся. — А по какому, кстати, вопросу?

— Почта, Никита Петрович, и документы для Вас есть.

— Ну что ж. Заходите.

Увидев входившую в его кабинет Ирину, Никита Петрович расплылся в улыбке и сказал почему-то на английском: «a feast for my eyes».

— Что это Вы сказали, Никита Петрович? Боюсь, я этого еще не проходила на курсах.

— Можно перевести как «наслаждение Вас лицезреть».

— О! — многозначительно произнесла секретарша и села напротив своего начальника, держа в руках кипу бумаг.

— Ну, давайте посмотрим, что у нас на сегодня.

Ирина передавала ему документы, в то время как он внимательно ее разглядывал. Ирина была блондинкой. Ее густые волосы свободно ниспадали на плечи. На Ирине был, казалось бы, деловой костюм, который, однако, искусно подчеркивал достоинства ее фигуры, заставляя воображение доработать то, что было скрыто от глаз. Юбка Ирины была выше колена, и Никита Петрович мог беспрепятственно видеть ее длинные ноги, одна из которых лежала на другой. Пока она не села перед ним, он успел заметить стильные туфли на высоких каблуках. Сейчас же он наблюдал, как ее нежные, ухоженные пальцы перебирают документы.

— Это я подписывать не буду, — строго сказал Никита Петрович, передавая Ирине два документа, — пусть зайдут сами, я объясню, почему.

— Конечно, Никита Петрович.

— Это я подпишу, — и он подписал два документа.

Ирина почтено внимала каждому его слову.

— Это оставим до завтрашнего дня, — Никита Петрович протянул Ирине какой-то из документов, — пожалуйста, не забудьте мне напомнить об этом.

— Конечно, Никита Петрович.

— А это я сейчас читаю. — И он уткнулся носом в документ. Через несколько минут, закончив читать страницу, Никита Петрович поймал себя на мысли, что не помнит ничего из прочитанного. Он посмотрел на секретаршу. Она, ожидая его решения, отре-

шенно смотрела в окно. Голова ее была приподнята. В голубых беспечных глазах отражалось небо. Взгляд Никиты Петровича скользнул немного ниже и упал на грациозную шею секретарши, а потом на ее молодую спелую грудь, которая была слегка прикрыта низким вырезом ее делового костюма. Он достал платок и вытер со лба непонятно откуда взявшуюся испарину.

Раздался звонок мобильного телефона Ирины, и она сняла трубку.

— Да, да, Кирилл. Сейчас бегу!

«Почему, интересно знать, она называет Пескова по имени и на «ты»? — подумал Никита Петрович. — Что это за нравы такие? Или, может быть, в другом дело?»

— Никита Петрович, сказала Ирина своим волшебным голосом, — может быть, Вы почитаете, а я к Вам потом зайду?

— Нет уж, подождите. Вы же знаете, я не люблю этого, — нахмурился Никитин.

— Ой, ну конечно, конечно, — ответила Ирина и опять уставилась в окно.

В ее голосе Никита Петрович, как ему показалось, уловил оттенок раздражения.

«Какое нетерпение», — думал Никитин, пытаясь сфокусировать свое внимание на документе, смысл которого ему никак не давался. По прошествии нескольких минут мобильный телефон Ирины зазвонил снова.

— Да, да, Кирилл. Сейчас бегу!

«Да что это Пескову так не терпится? Что это за дело такое срочное у него?» — краснея, думал Никитин. Однако спросить напрямую было бы нелепо. И он молча продолжал читать документ.

— Может быть, я все-таки пойду, Никита Сергеевич? — сказала секретарша, вставая с кресла. Он пытался вникнуть

в суть документа уже в течение длительного времени, и ее присутствие было, очевидно, ни к чему. Но Никита Петрович, побагровев сильнее прежнего, зло уставился на свою секретаршу и почти крикнул ей:

— А я говорю Вам, останьтесь!

— Да что это с Вами, Никита Петрович? — удивленно подняла свои красивые брови Ирина, — я только схожу к Кириллу Федоровичу и вернусь. А Вы пока документ почитаете.

— Не Вам судить, что и как мне делать! — закричал Никитин, вставая из-за стола.

— Конечно, конечно, Никита Петрович, Вы только не волнуйтесь так.

В этот момент мобильный телефон Ирины опять зазвонил.

— Да, Кирилл. Я у Никиты Петровича. Сейчас уже иду, — проговорила секретарша в трубку.

— Никуда ты не пойдешь! — перейдя на «ты», закричал Никитин.

Почувствовав недоброе, секретарша проворно ретировалась к двери. Никита Петрович, видя безвыходность своего положения, — он определенно не успевал добежать до двери, чтобы не дать ей покинуть свой кабинет, — вдруг встал на колени и неожиданно для себя, почти плача, жалобно забормотал:

— Прошу тебя, Ирина, не ходи к нему. Останься! Молю тебя! Что тебе он? Зачем это надо? Ну, скажи? Останься! Ирина! Ирина!

— И с этим та же история, — презрительно глядя на своего некогда грозного начальника, сказала Ирина и, надменно подняв голову, вышла из кабинета.

Июль 2006

Яко пардус¹

Снежный Барс беспечно резвился под полуденным солнцем. Его окружали бескрайние просторы горного Алтая. Вдоволь наигравшись, он продолжил свой путь. Барс легко передвигался неспешной рысью: мягкие пушистые лапы утопали в глубоком снегу, дымчато-серый мех надежно защищал его от мороза.

Николай открыл глаза. Первое, что он почувствовал, была головная боль. Затем пришло ощущение слабости. Он встал с кровати и побрел на кухню. Налил себе стакан воды. Нетвердой рукой

¹ Словно барс (устар.)

поднес его ко рту и жадно опустошил. Потом второй и третий. Вода не принесла облегчения.

— Тебе не надо столько пить, — раздался откуда-то сбоку голос жены.

Вместо ответа Николай пробормотал что-то невнятное.

— Посмотрел бы на себя в зеркало. На кого ты похож! — не унималась жена.

«Для этого не обязательно смотреть в зеркало», — подумал Николай и молча отправился назад в постель. Стоять ему было трудно, ощущалась слабость в ногах. Не успел он устроиться под одеялом, как в комнату вошла жена и протянула ему небольшое зеркало в красивой серебряной оправе. Николаю всегда нравилось собственное отражение. Но только не сейчас.

— На, посмотри на себя, — настаивала жена. — До чего ты себя доводишь! — и сунула ему зеркало под нос.

— Боже мой, никакого покоя! — про-
стонал Николай, глядя на свое остав-
ляющее желать лучшего отражение.

— Ты же знаешь, тебе нельзя пить! —
продолжала неугомонная жена.

— Это почему, интересно знать, мне
нельзя пить? — вслух задался вопро-
сом Николай.

— Да потому. Смотри, на кого ты
стал похож, — жена опять сунула ему
зеркало под нос.

Ничего нового. Все это Николай вы-
слушивал долгие годы.

— Наташа, я пью уже двадцать лет
и не собираюсь менять своих привы-
чек, — проворчал Николай и, понимая,
что ему не дадут покоя, встал с посте-
ли и начал натягивать спортивный ко-
стюм.

— Надеюсь, ты не собираешься со-
вершить пробежку в таком состоя-
нии? — поинтересовалась Наташа.

— Именно это я и собираюсь сделать, — ответил Николай, зашнуровывая кроссовки, и слегка ухмыльнулся.

— Ты, надеюсь, понимаешь, как это вредно для здоровья? — продолжала вопрошать жена.

— Уверяю тебя, тут нет ничего вредного, одна только польза, — с этими словами Николай закрыл за собой дверь.

Морозный январский воздух средней полосы ударил ему в лицо. Была легкая метель.

«То, что надо», — подумал Николай.

Бежать поначалу было трудно, но через какое-то время тренированный организм адаптировался к нагрузке, и ему стало легко и свободно. Николай свысока смотрел на прохожих, прячущих по синевшие от холода носы в длинные воротники. Он представлял себя снежным барсом, снившимся ему ночью. Сейчас он был един с окружающей его стихией.

Снежный Барс остановился. Он поднял голову. Ноздри его раздувались. Он был весь внимание. Слабый ветер донес до него хорошо знакомый запах. Это был запах пищи. И, стало быть, запах жизни. Большая кошка учуяла барана. Барс поменял направление движения. Начиная с этого момента все его действия были подчинены только одному. Охоте. Охоте не для забавы. Ему было необходимо найти себе пищу для того, чтобы в очередной раз выжить в этой снежной пустыне.

Николай открыл глаза. Он проспал несколько минут, положив ноги на свой рабочий стол. После обеда его всегда клонило ко сну. Зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Ааа! Сколько лет, сколько зим!

.....

— Все хорошо. Как у тебя?

....

— Да, работаю.

.....

— Ну, видишь ли, надо же на что-то покупать сыр, колбасу.

...

— Да, да. И бензин. И новую машину, и дом тоже. Образование детям, и все, знаешь, такое.

....

— В субботу? Пожалуй. С удовольствием навестим вас. Но на всякий случай я спрошу у Наташи, нет ли у нее каких планов. Перезвоню.

...

— Пока.

Николай, ощутив прилив скуки, зевнул и положил трубку.

Наконец Барс увидел барана. Он был метрах в трехстах от него. Они были одни во всей снежной пустыне.

Он и баран. Предыдущая охота большой кошки была неудачной. Еще одна неудачная охота, и голод станет нестерпимым. За голодом придет слабость, за слабостью идет смерть. Продолжение жизни Барса было перед ним. Барс пополз по направлению к барану на брюхе.

— Николай Петрович, какое решение мы примем? — задал вопрос один из членов рабочей группы.

Николай вздрогнул. Он не был готов к вопросу. Ему показалось, что минуту назад он спал.

«Возможно ли это?» — думал он сейчас. Николай посмотрел на своих коллег, сидящих за столом. У них был обычный деловитый вид.

«Если бы я спал, — заключил Николай, — у них не были бы такие будничные выражения лиц».

— Так какое решение мы примем? — повторно заданный вопрос окончательно вернул Николая к действительности. Но действительность была такова, что решение, несмотря на всю его очевидность и срочность, нужно было предварительно согласовать с высшими инстанциями. Николай поморщился.

«Какого же черта! Немедленно избавляться от этих активов!» — думал он.

— Я думаю, мы хорошо проработали этот вопрос, оставьте мне все документы, я должен подумать, — услышал Николай собственный голос.

Николай ужинал в ресторане со своим другом. Друга звали Андрей. Вместе с Андреем в поисках приключений они объездили полмира. Они спускались на лыжах в Белой долине Монблана; едва

не отправились на тот свет, попав в бочку во время сплава по коварной Алтайской реке Катунь; созерцали суровые лица истуканов на острове Пасхи; прожили полгода в аскетических стенах непальского монастыря «Капан».

— Так ты пойдешь со мной на Килиманджаро? — спрашивал друг.

— Андрей, говорят, там мухи цеце могут покусать.

— А в Москве тебе на голову кирпич может упасть.

— Ну, это маловероятно.

— Послушай, мы же давно собирались пойти, ты просто стареешь, — не унимался приятель Николай.

— Да, но я недавно беседовал с одним человеком, который только что вернулся из Африки, — рассуждал Николай. — Вот что он мне рассказал. Идут они где-то в Кении. Вдруг видят: весит черный флаг. Предлагают про-

вожатому их африканцу подойти и посмотреть, почему флаг вывесили. Он же им отвечает, что флаг вывешивают, когда замечают муху цеце, именно для того, чтобы это место обходили стороной. К твоему сведению, укус мухи цеце вызывает сонную болезнь. Паразиты проникают в кровь, потом в ткани, потом в спинной и головной мозг. Лечение малоэффективно. Кроме того, от самого лечения можно легко отправиться в мир иной. Еще подумаешь, лечиться или нет.

— Ну и что? Я тебе другую историю расскажу. Помнишь, в прошлом году в Африке я сплавался по горной реке с моим другом Эндрю Скелтоном? — спросил друг Николая.

— Допустим.

— Так вот. Перед тем как разместиться на надувном плоту, я заметил на противоположном берегу стремни-

ны двух небольших крокодилов и указал на них Скелтону. Что, ты думаешь, он ответил на мой немой вопрос?

— Что же?

— «Are you going to die in bed?¹» — таков был его ответ.

«Пора бы на что-то решиться», — подумал Николай.

Барс почти подполз к барану на необходимое для решающего прыжка расстояние. Но тут ветер переменился, и баран учуял запах барса. Он тревожно обернулся и, заметив хищника, бросился наутек. Началась изнурительная погоня. В конце концов барс взял верх и продлил свою жизнь за счет чужой. Теперь он был сыт и мог отдохнуть. Одна жизнь закончилась, чтобы другая могла продолжаться.

Николай открыл глаза. В окно ил-

¹ Ты собираешься умереть в постели? (англ.).

люминатора он увидел удаляющуюся белую шапку Килиманджаро. Виски приятно грело желудок и разрушало привычные стереотипы мысли.

— Андрей, ты знаешь, хорошо быть снежным барсом, не знающим никакого выбора. Инстинкт ведет его.

— Тебе, Коля, надо было лететь на Алтай, а не на Килиманджаро. Там бы ты встретил своего барса. Может быть, перестал бы твердить про него каждый раз, когда выпьешь.

— Это, в сущности, не имеет никакого значения.

— Что не имеет значение, Коля?

— Куда лететь.

Солнце било в глаза. Николай совершал очередную утреннюю пробежку. Морозный воздух покалывал разгоряченное тело. Белый снег искрился бесчисленными огоньками под лучами по-

луденного солнца. Казалось, весь мир вливался в Николая свободным потоком. До самого последнего мига на устах его играла легкая улыбка.

Барс был снова голоден. Он грациозно продвигался вперед большими прыжками, большие сильные лапы не знали устали. Зоркий взгляд искал добычу. Раздался выстрел, которого барс не услышал. Что-то укололо его в самое сердце. Могучие лапы обмякли. Пушистый хвост последний раз ударил о снег. Глаза закрылись.

Последним, что пришло в голову Николаю, были слова: «Seems like I am not going to die in bed»¹.

Болезненный мальчик Коля снова сидел за партой в школе. Мама закутала его, чтобы он опять, не дай бог, не про-

¹ Похоже, я умру не в постели (англ.).

студился, и сама отвела в школу. Одежда невыносимо стесняла его. Он смотрел в окно, а до его ушей доносился голос учителя, цитирующего русского летописца:

— «Князь Святослав ходя яко пардус, возъ по себе не вожаше, ни котла, ни мяса варя, но по тонкоу изрезавъ кониноу на оугляхъ испек, ядяше,...ни шатра имеше, в головахъ седло... глаголя: «Хоцю на вы ити!» Для тех, кто не понял, — продолжал учитель, — поясню: князь Святослав ходил как барс, отправляясь в боевые походы, в которых провел почти всю жизнь. Спал он вместе со своей дружиной под открытым небом, положив под голову седло, ел вместе со своей дружиной конину. А перед походом открыто предупреждал противника: «Иду на Вы!»

— Наташа, ты должна была запретить ему эти ненормальные физиче-

ские нагрузки, — говорила подруга его жены по телефону.

— Это было невозможно. Последнее время он стал совершенно неуправляемым.

Ноябрь 2005

Безумие Петра Сергеевича

«Главного глазами не увидишь.

Зорко одно лишь сердце»

Антуан де Сент-Экзюпери

— Ты просто безумен! Тебе надо срочно к врачу!

— Тебе самой надо к врачу, — спокойно отвечал муж своей молодой жене Анне.

— Почему это мне? Ведь это тебе все мерещится в последнее время.

Действительно последнее время в жизни Петра Сергеевича, так звали человека средних лет, которому, по словам его жены, необходимо было безотлагательно обратиться к врачу, происходили странные вещи. Признаться, Петр и сам ощущал себя не вполне

здоровым. Но обращаться к врачу было бы, по его мнению, все же чрезмерностью. А все началось менее года назад.

Тогда Петр Сергеевич ужинал в ресторане с малознакомой ему Анной, которую встретил совсем недавно на вечеринке у приятелей и в которую был влюблен до умопомрачения, столь она была прекрасна. Когда он говорил Анне заветные слова «...Я хотел бы сделать тебе предложение», сердце его билось бешеным ритмом и успокоилось лишь тогда, когда девушка ответила согласием.

«Слава богу», — подумал Петр Сергеевич и вытер испарину тыльной стороной ладони. Анна улыбнулась и, сказав: «Я сейчас, дорогой», — вышла из-за стола.

«Куда это она пошла? Такой важный момент, а она сразу же ушла», — с тоскливой тревогой подумал Петр Серге-

евич, который, несмотря на свое страстное чувство, или же, напротив, благодаря ему, уже не доверял Анне. Если она была рядом, он верил ей самозабвенно. Но стоило Анне ненадолго покинуть его, как Петра Сергеевича начинали терзать сомнения. А потому, подождав немного, он, несмотря на свое довольно плотное телосложение, проворно встал и пошел по направлению к выходу, где находились туалетные комнаты.

— Вы уходите? — подскочил к нему с несвоевременным вопросом суетливый официант.

— Нет, нет, я сейчас, руки помыть, — отвечал ему Петр Сергеевич.

Стараясь быть незаметным, он вышел в гардеробную и с удивлением увидел Анну, с кем-то беседующую по телефону.

«Так я и знал! — подумал Петр Сергеевич. — Зорко одно лишь сердце!»

Анна подняла глаза. Петр Сергеевич улыбнулся ей и, сделав вид, что истинным его намерением было посещение туалетной комнаты, туда с поспешностью и проследовал. Когда он вернулся за столик, Анна, ласково глядя на него, сказала:

— Я так ждала этого!

«Чего она ждала, интересно? Того, что только что услышала по телефону? Ладно, не будь ревнивым ослом, она ждала твоего предложения», — думал Петр Сергеевич.

Свадьба состоялась через месяц.

Как-то раз, по прошествии не более чем трех месяцев, на приеме в Английском посольстве, куда Петр Сергеевич был приглашен вместе с женой, он, перемещаясь с бокалом в руке по анфиладе небольших комнат старого особняка с видом на Кремль, вдруг услышал разговор двух мужчин, оказавшихся рядом:

— Ты только посмотри, как она прекрасна! — говорил один из них. — За несколько лет она стала настоящей женщиной! Как если бы еще несформировавшийся, неспелый бутон вдруг распустился в прекрасную розу, лепестки которой во всем своем совершенстве тянутся к ласкающим их лучам солнца.

— Да, верно. Но тут не только в этом дело. Чувствуется, знаешь ли, порода! Посмотри, какие волосы! И что за линия бедра! — вторил ему другой.

Петр Сергеевич с интересом проследил за направлением взглядов двух мужчин, и лоб его вмиг покрылся тяжелой испариной — они смотрели на трех беседующих женщин, одна из которых была Анна, его Анна! Они говорят о ней! И, судя по всему, они с ней знакомы, эти два хлыща, черт подери!

— Господин Иванов, — услышал он

свою фамилию. Перед ним стоял мистер Джонсон, с которым, к великому сожалению, надо было поговорить. Сквозь звуки собственной беседы Петр Сергеевич пытался прислушаться к разговору двух мужчин. Ему послышалось, что один из них сказал:

— Как же, я видел ее недавно...

Потом они отделились от него, и больше Петр Сергеевич их не видел.

Сидя на заднем сиденье в машине, по дороге домой Петр Сергеевич спросил у жены, пытаясь придать вопросу тон непринужденности:

— С кем это ты беседовала?

— Я встретила Ингу, представляешь? Она меня познакомила со своей знакомой миссис Маннинг. Мы прелестно поболтали.

— Я имею в виду мужчину, с которым ты беседовала, — продолжал Петр Сергеевич.

— Какого мужчину? Где беседовала?

— Перед большой лестницей наверх, с высоким блондином, — и Петр Сергеевич описал внешность одного из мужчин, тут же мысленно отругав себя за то, что указал предполагаемое место беседы. Он ведь не видел, как его жена с кем-то беседует, а спрашивал просто так, на удачу. «Да, но зачем она спросила где? — думал Петр Сергеевич. — Видимо, она действительно с кем-то беседовала, но почему-то не хочет, чтобы я знал об этом. Теперь она знает, что я не видел ее, и не скажет правды».

— Не знаю Петя, тебе, видно, померещилось, — спокойно отвечала Анна.

— Наверное, так и есть, — мрачно согласился Петр, но сомнения его не были развеяны.

Дома Петр Сергеевич направился

прямиком в спальню и почти сразу же заснул. Ночью его разбудил телефонный звонок.

«Кто это, черт возьми, может быть?» — недовольно думал Петр, идя длинным коридором к телефону. Телефон не унимался. Когда он, наконец, снял трубку, неприятный мужской голос, как ему показалось с удивлением, как если бы услышал голос не того, кого предполагал, спросил Катерину Ивановну.

— Вы ошиблись, — раздраженно сказал Петр и положил трубку.

Весь следующий день он чувствовал себя совершенно разбитым.

На следующую ночь телефон опять разбудил Петра Сергеевича, но в трубке была тишина.

— Надо бы поставить определитель номера, Аня, — предложил Петр Сергеевич за завтраком.

— Зачем? — легкомысленно парировала Анна.

— Звонят ночью и будят.

— Кто звонит?

— Ты что, не слышала звонков?

— Нет.

— Каждую ночь кто-то звонит. То спрашивали какую-то Катерину или как ее там, то просто молчат.

— Тебе это не приснилось, милый, я ведь чутко сплю, — странным образом ответила Анна.

На следующую ночь Петр Сергеевич долго не мог заснуть, и вдруг ему отчетливо послышался телефонный звонок, а потом — как его жена с кем-то разговаривает. Но что было особенно странно, что он слышал так же и звуки мужского голоса. Но как только он открыл дверь спальни, голоса прекратились. Петр, тем не менее, дошел до кухни и увидел там Анну. Кухня

была наиболее удаленной комнатой от их спальни. Анна могла с полной уверенностью предполагать, что из спальни ее разговор слышен не будет. Но Петр Сергеевич всегда отличался острым слухом. Рядом с Анной лежала трубка телефона. Сама она ничем не была занята. Ни книги рядом, ничего.

— Что ты делаешь? Кто это звонил? поинтересовался Петр.

— Подруга моя, Настя.

— Почему она звонит в час ночи?

— У нее неприятности, мама заболела.

— Ну и что? А ты что можешь сделать, тем более в час ночи?

— Какой ты толстокожий Петя! У человека мама заболела. Нет, видимо, мужчины просто по-другому устроены!

— Странно только, что когда я подхожу к телефону ночью, то вешают трубку. Купи, пожалуйста, телефон с определителем номера.

— Хорошо, куплю. Только не понимаю, зачем это нужно, ты какой-то стал в последнее время раздражительный! — с упреком сказала Анна.

— Спокойной ночи, — недовольно сказал Петр и отправился спать.

Ночные звонки не прекратились, но стали реже. Когда подходил Петр, в трубке было молчание. Иногда по утрам Петр интересовался, не купила ли Анна телефон с определителем. Оказывалось, что ей все недосуг. А однажды, проснувшись под утро, Петр не обнаружил рядом жены, зато явственно различил отдаленные голоса. Один принадлежал Анне, другой был мужской.

— Не здесь, ты что? — говорил женский голос.

— Брось, ты же тоже хочешь, — бубнил мужской.

Петр вскочил с кровати. Как только он открыл дверь спальни, голоса пре-

кратились, но он все равно побежал по длинному коридору, заглядывая в разные комнаты. Огромная квартира была пуста. Потом он заметил свет в ванной.

— Анна! Что ты там делаешь? — Петр постучал в дверь.

— Мне плохо, — отвечала жена каким-то странным голосом.

— Открой мне!

— Нет.

— Открой немедленно!

Дверь открылась. На него смотрела Анна. Она была бледна. В ванной, кроме нее, никого не было.

— Видишь, мне плохо. Я, видимо, отравилась за ужином. — У Анны действительно был несчастный вид.

— С кем ты тут разговаривала? — все еще строго спросил Петр.

— Петя, что с тобой? Тебе лечиться надо. С кем я могла разговаривать?

«Действительно, — подумал Петр, — даже трубки телефона нигде нет».

— Но я отчетливо слышал голоса, — уже мягче сказал Петр, ему стало жаль измученную тошнотой жену, — вот и пришел.

— Ну что ты, какие голоса? То телефонные звонки, то голоса. Давай сходим к доктору, прошу тебя.

Сознание Петра определенно переживало не самые лучшие свои мгновения. Петр был сконфужен и не знал, что подумать.

«Бред какой-то! — думал Петр. — Допустим, голоса мне слышались, хотя я отчетливо их слышал! Но телефонные звонки! Я же подходил к телефону не во сне. А Анна говорит, что ничего не слышала. А может быть, мне действительно все приснилось? Ведь вот же она, моя Анна. Никого в квартире больше нет, я все обыскал.

Входная дверь закрыта изнутри». И он, сконфуженный, отправился спать.

На следующий день неприятные мысли вновь посетили его.

«Не может быть, чтобы мне все приснилось. К тому же Анны действительно не было рядом. Надо все-таки в этом как-то разобраться», — думал Петр.

Как-то раз они пришли в модный ресторан с друзьями — Андреем и его женой.

— У вас заказано? — деловито осведомился официант.

— Нет.

— Тогда мы вам можем предложить только у стойки бара. Свободных мест нет. У нас только по предварительному заказу.

— Черт подери! — проговорил Андрей. Что будем делать?

— Ну, это уж слишком! — сказала

жена Андрея, впрочем, не предложив никакого альтернативного решения.

— Если идти куда-нибудь еще, то можно просто потерять время, — сказала рассудительная Анна, — там тоже может оказаться «все занято». И что тогда?

— Сколько нам ждать у стойки бара, пока освободится столик? — осведомился Петр у начинающего терять терпение официанта.

— Не знаю, — ответил официант.

— Ну, это уж слишком, — снова сказала жена Андрея.

— А за стойкой бара мы можем заказать что-нибудь поесть? — спросил Петр.

— Все то же, что и за столиком.

— Я бы предложил остаться, — предложил Петр.

— Ладно, я не против, — согласился Андрей, — а то ходить в субботний ве-

чер туда-сюда... Только время потеряем.

— Мы не возражаем, — согласились жены.

Барная стойка оказалась достаточно широкой, а меню интересным.

— Я закажу молочного поросенка с хреном! — сказала Анна. — Вы рекомендуете? — обратилась она к бармену.

— Да, поросенок великолепный. Очень вам рекомендую.

За разговором ни о чем было выпито изрядное количество спиртного на аперитив. В какой-то момент Анна встала и куда-то отошла.

«Куда это она пошла?» — думал Петр.

Во время ее отсутствия произошла странная вещь. Принесли заказанные блюда и среди них молочного поросенка Анны. Было видно, какой это прекрасный поросенок и как он велико-

лепно приготовлен. Вдруг какой-то человек подошел к стойке бара и посмотрел жадным взглядом на поросенка, а потом, вооружившись приборами, к удивлению Петра, начал его жадно поглощать.

— Послушайте, почему Вы едите чужого поросенка? — спросил Петр.

— В каком смысле чужого? — не поворачивая головы, отвечал вопросом на вопрос наглец, продолжая при этом самым возмутительным образом пожирать чужое блюдо.

— Это же не Ваше!

— Не мое? — с удивлением снова отвечал вопросом на вопрос наглец.

— Не Ваше, — краснея от ярости, проговорил Петр.

— А чье же? — продолжал задавать вопросы наглец.

— Это блюдо моей жены!

— А-а-а! Значит и не Ваше тоже! Так

причем тут Вы тогда? Может быть, Вашей жене понравится то, что я делаю. Может быть, это именно то, что она хочет? — продолжал вопрошать наглец, втягивая Петра в какую-то нелепую дискуссию, и при этом продолжая с удивительной скоростью работать челюстями.

«Да что же это такое?» — Петр в растерянности оглянулся на своих приятелей, которые о чем-то разговаривали друг с другом и, сидя в ряд за стойкой бара, не могли видеть происходящего безобразия. «Он сказал, моей жене может понравиться то, что он делает, — думал Петр, — на что он намекает, чёрт его подери?»

Когда Петр повернул голову, чтобы посмотреть на наглеца, того уже и след простыл. Подошла его жена и, как ни в чем не бывало, начала есть.

— Что ты делаешь? — спросил ее

Петр. — Как ты можешь есть блюдо, которое уже кто-то ел до тебя?

— О чем ты? Кто ел? Какое блюдо? — спросила Анна, и в ее глазах появился столь ненавистный ему оттенок беспокойства за его рассудок.

— Твое блюдо! Только что какой-то тип его ел!

Анна продолжала есть, и теперь уже невозможно было выяснить, сколько съела она и сколько тот тип. Стало быть, доказать, что кто-то ел поросенка до нее, уже было невозможно. И потому Петр благородно предпочел не развивать далее данную тему.

«Но она не могла не заметить этого! — думал он. — Наверное, этот тип и есть ее любовник! Меня просто провоцируют!»

Петр осмотрелся по сторонам, но типа нигде не было видно.

Вскоре принесли счет, по обыкнове-

нию снабженный пластинками жевательной резинки «Спеарминт».

— Не могу жевать жвачку, — сказала жена Андрея, — у меня возникает такое чувство, как будто весь рот чем-то заполнен, и я ничего с этим не могу поделать.

«Странно, у меня тоже такое чувство, как если бы вся моя жизнь была заполнена чем-то липким и что мне очень тесно», — подумал Петр. Ему почему-то пришла на память картина Магритта с изображением яблока, помещенного в комнату, и он сказал:

— Кстати, знаете картину Магритта? Сейчас не припоминаю ее названия, но там изображено яблоко, помещенное в комнату, таким образом, что оно эту комнату полностью заполняет. Края яблока даже соприкасаются со стенами. Яблоко непомерно большое для этой комнаты. Либо, напротив,

комната чрезмерно мала для яблока. Яблоку тесно в комнате. Создается ощущение невероятной тесноты.

— Да, да, как же, припоминаю, — сказал Андрей с интересом.

— Ты просто устал, — сказала Анна, с заботой глядя на Петра. — Нам пора.

— Пожалуй, — неожиданно для себя самого согласился Петр, и они откланялись. Но перед пожатием рук Петр отозвал Андрея в сторону и с надеждой в голосе спросил:

— Послушай, а ты заметил того типа, который пожирал молочного поросенка?

— Какого еще типа? — буднично спросил Андрей.

— Ну, тот, что пожирал поросенка Анны.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Андрей.

— Помнишь, сразу после того как принесли блюда, Анна отошла в туалет, и какой-то тип уселся на ее место и начинал пожирать ее поросенка?

— Ты что, бредишь? И что же ты сделал?

— Я ничего не успел сделать. Он нес какой-то бред. Потом я посмотрел в вашу сторону, а когда повернул голову назад, его и след простыл!

— По-моему, у тебя жар, старина. Мы все сегодня изрядно выпили, но ты, похоже, в особенности. Ну давай, не расстраивайся, — и Андрей пожал ему руку, похлопав по плечу.

«Видно, дела мои совсем дрянь», думал Петр по дороге домой. Тогда он решил раз и навсегда закрыть тему ревности к жене. И твердо сказал себе об этом.

Сказать, как известно, проще, чем сделать. Тем не менее с тех пор Петр

не реагировал на голоса и вздохи, порой будившие его по ночам.

Но однажды, в очередной раз проснувшись под утро от звуков голосов, он все же решил еще раз проверить, так ли уж он безумен. Жены, как обычно, не было рядом.

Петр Сергеевич помнил, что обычно голоса, вздохи и звуки любовной возни прекращались, стоило ему резко распахнуть дверь спальни. В этот раз он был предусмотрительней. Петр Сергеевич бесшумно встал с кровати и потихоньку открыл дверь спальни. Он шел на звуки по длинному коридору крадучись, как если бы не он, а кто-то другой являлся хозяином квартиры. Наконец, достигнув кухни, Петр Сергеевич потихоньку открыл дверь.

В предутренних сумерках какой-то мужчина, стоя перед полуобна-

женной Анной, что-то возбужденно
бормотал ей на ухо.

Май 2006

В ожидании зеленого сигнала светофора

Ожидая зеленый сигнал светофора, Алена посмотрела в зеркало заднего вида и подвела губы изумительной помадой цвета спелой вишни.

«Я — вамп», — глядя на себя в зеркало, думала Алена.

Она водила машину второй год. И ей это очень нравилось.

Ее голова покачивалась в такт какой-то популярной мелодии. Было свежее июньское утро. На небе ни облачка.казалось, все люди вокруг: пешеходы, спешащие на зеленый сигнал, люди, сидящие

в рядом стоящих автомобилях, улыбались Алене. Она улыбалась им в ответ. Алена с удовольствием закурила тонкую сигарету. Она явственно ощущала, как это стильно: в начале задумчиво достать из портсигара сигарету, потом без излишней суеты ее прикурить такой же красивой и утонченной зажигалкой, как и сама сигарета. Алена знала: на нее смотрят с восхищением. И было от чего. Безупречный маникюр. До блеска надраенная спортивная БМВ красного цвета. Сама красавица. Да... Алена элегантно затянулась.

Ее рассеянный взгляд случайно остановился на каком-то человеке. Даже мельком не взглянув на Алenu, он деловито вышел из своей машины и направился к машине впереди стоящей. Человек не понравился Алене. Люди, которые не обращали на нее внимания, никогда ей не нравились. Алена уже

хотела также элегантно выпустить сигаретный дым, но от увиденного у нее перехватило дыхание.

Неприятный человек неожиданно достал бейсбольную битую и изо всех своих недюжинных сил стал методично бить по впереди стоящему автомобилю. В разные стороны полетели стекла. Еще мгновение, и машина превратилась в груды мятого металла и стеклянной крошки. Человек с битой так же деловито сел в свой автомобиль. От физической нагрузки лицо его покраснелось.

Ужас от происходящего заполнил юную душу Алены. Там, в ее душе, не было более места ни для чего, кроме страха. Алена забыла кто она, на какой она едет машине и уж тем более, какие сигареты курит.

Зажегся зеленый сигнал светофора. Все машины тронулись. Лишь машина, подвергшаяся атаке вандала, осталась

стоять на месте. Ее владелец, видимо, находясь в шоке от произошедшего, неподвижно сидел за рулем своего некогда прекрасного авто.

Олег Петров, так звали вандала, как и другие, поехал по своим вполне будничным делам. Он, однако, также оставался в состоянии возбуждения.

— Будет знать, как подрезать людей на дороге! Уж я-то научил его вежливости, будьте уверены! Запомнит на всю жизнь, сосунок! — до упора вдавливая педаль газа, разговаривал с кем-то невидимым Олег Петров.

Надо заметить, что это был уже не первый случай, когда Олег Петров учил других хорошим манерам. Подобное не раз доводилось ему совершать и в прошлом. В этом своем стремлении сделать других вежливее Олег Петров не ограничивался автомобилистами. Нет, он шел дальше. Где бы он ни оказывался:

на пляже, в подъезде и в прочих слабо регулируемых общественным порядком местах, он всегда находил того, кому было просто необходимо преподать урок вежливости.

Страсть Петрова к преподаванию науки о вежливости была подкреплена необходимыми для этих случаев природными данными. Рост под два метра, могучий торс. Руки и ноги его по крепости и ширине были сродни корабельным мачтам. При этом он не растрачивал данное ему от природы, но всячески приумножал. Регулярные походы в тренажерный зал и занятия боксом давали свои результаты. Его мышцы становились еще крепче, а реакция, к несчастью для обучаемых, еще более быстрой. Впрочем, чаще всего один его вид действовал достаточно убедительно на нарушителей общественного порядка. Вот только Олегу

Петрову почему-то казалось, что праведные слова его должны непременно ложиться на благодатную, им же предварительно хорошо подготовленную почву. Под подготовкой почвы Петров, естественно, понимал меры физического воздействия, без которых справедливость его слов не может быть воспринята в полной мере. Так было и сегодня.

«Скажи ему просто: не надо так ездить, уважаемый! — и никакого толка не будет», — думал Петров, еще крепче вжимая в пол педаль газа.

— А вот теперь, когда машина автомобильного грубияна разбита, ему преподан настоящий урок. Будет знать, как хамить на дорогах! — вслух произнес Петров, агрессивно маневрируя в плотном потоке автомобилей.

Его мысли прервал звонок телефона.

— Да,...

...

— Да, Ирина...

....

— Нет, все в порядке...

....

— Голос?..

...

— Нормальный голос...

...

— Ну, пришлось тут преподавать одному урок вежливости...

...

— Сразу стал тише воды, ниже травы...

...

— Почему не надо?..

...

— А как, ты думаешь, надо?..

...

— Ну, знаешь, тебя не поймешь...

...

— Не надо за меня волноваться, сколько раз тебе говорил...

...

— Ну, хорошо, в последний раз...

...

— Да, обещаю...

...

— Ксюшу заберу из сада...

...

— До вечера...

...

— И я тебя целую.

Ирина, тихая женщина, приходилась женой Олегу. Ксюша, девочка пяти лет, была их дочерью, которую Олег очень любил. Любой ее каприз, который был ему под силу, немедленно исполнялся.

Олег работал инкассатором.

«Мужская работа, — думал он иногда. — Всегда начеку, всегда готовый к отпору внезапного нападения. Вот это по мне! В жизни нужно уметь постоять за себя!»

Целый день Олег напряженно рабо-

тал. Но вот уже вечер. И в раскаленный летним солнцем город пришла вечерняя прохлада. Олег Петров, как и обещал жене, отправился забирать дочь из сада.

— Папа, я соскучилась! Какой подарок ты мне принес сегодня?

Слезы умиления выступили на глазах сурового Петрова. Одной рукой он достал мягкую игрушку, другой как перышко подхватил подбежавшую девочку.

Через каких-то сорок минут они были дома. Ирина возилась у плиты. Олег смотрел футбол и пил свою вечернюю кружку пива. Ксюша смотрела «Спокойной ночи, малыши».

В эти часы он ощущал себя абсолютно счастливым. Впереди были суббота и воскресенье. Они собирались провести их на даче.

Наутро после непродолжительных

сборов небольшая семья, разместившись в небольшом автомобиле, отправилась за город. Не обошлось без происшествий.

При выходе из подъезда какой-то задумавшийся интеллигент в очках не пропустил Ирину с Ксюшей. Из глубины подъезда раздался громогласный окрик:

— Уважаемый, куда Вы лезете! Почему не пропускаете женщину с ребенком?

При виде огромной фигуры интеллигент в очках просто застыл на месте и тем самым перегородил путь Петрову, что было воспринято последним как акт неповиновения. Явно требовалось предпринять соответствующие действия нравоучительного толка. Для начала Олег несильно толкнул в грудь зарвавшегося нахала. Несильный, по меркам Олега, толчок возымел, одна-

ко, нешуточное воздействие на его сублингвального оппонента. От полученного удара тот попятился и упал бы, если бы не скамейка, стоявшая у подъезда, на которую он и приземлился. Неизвестно, чем бы закончилось это утро для интеллигента в очках, если бы не вмешательство жены Петрова.

— Олег, не надо! Что ты делаешь! — раздался крик Ирины.

— Ну, хорошо, хорошо. Все в порядке, — и, более не реагируя на интеллигента, Петров двинулся к машине.

Уже прошло минут пять, как они ехали, а Ирина все не унималась.

— Ну я же просила тебя, не надо!

— Да я ничего такого не делал!

— Ты ударил его, я видела!

— Никто его не ударял, он сам споткнулся!

— Ах, это плохо кончится! — и жена,

всхлипнув, нервно закрыла лицо руками.

— Что, черт возьми, плохо закончится! — взревел Олег. Он не выносил женских слез.

— Ирина, пойми, у меня нервы тоже не железные! — покраснев, закричал Олег. Нога его, как бывает в таких ситуациях, вдавила педаль газа в пол. В этот миг машина из левого ряда подрезала автомобиль Петровых. Если бы Олега не отвлекла Ирина, если бы он не вдавил педаль газа так некстати, все было бы в порядке. Если бы не это стечение обстоятельств, они бы продолжили свой путь и через полтора положенных часа сидели в тени лип на своем садовом участке.

Взвизгнули тормоза. Раздался неприятный звук. Петрову не хватило доли секунды, его машина не сильно, но вполне ощутимо врезалась в их под-

резавший автомобиль с сильно затемненными стеклами.

— Олег! Я прошу тебя, — отчаянно пролепетала Ирина. Она знала, что это был явно не тот случай, когда ее слова могли оказать воздействие на мужа.

Петров не слушал ее. Все было понятно. Какие-то недоумки его подрезали. А теперь наверняка захотят ждать ГАИ. Ведь формально это Петров в них врезался! Но где же тогда справедливость?

Петров это делал много раз. Рука его привычным движением скользнула под сиденье. Пальцы сжали хорошо им знакомую поверхность биты. Его рука продолжала сжимать биту, когда он шел к машине обидчиков. Сжимал он биту и тогда, когда неожиданно для себя нелепо осел на жаркий асфальт.

Ирина выбежала из машины. Она всегда знала, что это плохо кончится.

Но никогда не знала, как это произойдет. Сейчас, когда ее предчувствия сбылись, она, всегда столь эмоционально выражавшая свои протесты, беззвучно рыдала над гигантским телом мужа, сидя на раскаленном асфальте. Пуля вошла в ту часть лба Петрова, где у человека якобы имеется третий глаз.

— Поехали, — сосредоточенно сказал Михаил своему напарнику, скручивая глушитель с пистолета. Взвизгнула резина, и машина с сильно затемненными стеклами рванула с места.

— Надеюсь, этот болван не сильно нас задел?

Июль 2005

Батон и его друзья

— Ну, и где же Владимир?— спросила с порога хозяйка квартиры, где уже не первый год происходили ремонтно-отделочные работы.

— Не будет его сегодня, Ольга Сергеевна, — сказал один из рабочих, виновато понутив голову.

«Опять не будет! Уволить бы их всех к чертовой матери, — подумала хозяйка квартиры. — Да что толку? Придут такие же. А может быть, еще и хуже. На предыдущих жаловаться будут. Только время потеряешь. А мои хотя бы не воруют открыто. Нет, надо терпеть. Еще пару месяцев, и все. Жизнь в новой

квартире... Интересно, который раз я говорю себе, что через пару месяцев закончится этот чертов ремонт? — думала Ольга Сергеевна. — Третий, четвертый? А воз и ныне там».

— Когда вы закончите? — спросила она вслух.

— Тут делов-то на неделю, — тихо сказал один из рабочих, что постарше. Звали его Андрей. Фамилия у него была Смачный. Он был небольшого роста. Спутанные волосы прилипали ко лбу. Лицо его хранило отпечаток частых и сильных возлияний. Смачный любил классическую музыку и считал своим долгом прививать это чувство молодым. Вот и сейчас по квартире величаво распространялись звуки пятой симфонии Бетховена.

— Знаю я, какая неделя, — ответила хозяйка. — На месяц работы, как минимум.

Начали считать. Вышло, действительно, на месяц, а то и на два.

«Зачем, спрашивается, врать», — думала Ольга Сергеевна, переводя взгляд со Смачного на второго рабочего, совсем еще молодого юркого парня, лет двадцати. Несмотря на большую разницу в возрасте. — Смачному было за сорок, — они были друзьями.

«Да и ввали ли они?» — продолжала свои размышления хозяйка. «Их спросили, они ответили. Что ответили — не особенно для них и важно. Так, сказали что-то, может и сойдет. Может, и отстанут с вопросами, и можно дальше заниматься своим делом. Никаких тебе сроков. Квартальных отчетов, как у меня на работе. А может, оно и лучше так? Бросить все. Денег, правда, совсем не будет. Зато свобода. По крайней мере от каких-либо обязательств».

«Сама, что ли, не понимает», — как раз в это время думал Смачный.

— Ладно, что все-таки с Владимиром? Почему он не работает? — спросила хозяйка.

— А, Батон? — так рабочие звали между собой Владимира, который младшему из них, между прочим, приходился отцом. — Понимаете, — понизив голос почти до шепота, проговорил Смачный, — запой у Батона, в общем.

Ольга Сергеевна развела руками. Ну что тут еще скажешь?

— Ладно, Антон (так звали сына Батона), поехали в магазин, поможете мне с покупками.

— Как жись, Ольга Сергеевна? — осведомился Антон, усаживаясь грязными брюками на чистое сиденье автомобиля, — несмотря на разницу в возрасте, ему явно нравилась хозяйка, он всегда старался произвести на нее положительное впечатление.

— Хорошо, Антон. Как у тебя?

— Клево.

— Что же клевого?

— Да уж есть что, — и Антон многозначительно замолчал, но, не дождавшись наводящих вопросов, сам развил начатую ранее тему.

— Я тут к сестре троюродной зашел. Муж у нее в армии. Так мы уж так с ней кувыркались часа три. Да нет, пять часов кувыркались.

— Думаешь, хорошо это, Антон, муж у нее в армии, ты его знаешь, наверное, а такое вытворяешь?

— Конечно, знаю. Не одну бутылку с ним задавили. Да только я так скажу, Ольга Сергеевна, — и Антон строго посмотрел на хозяйку, — не я эту жизнь придумал.

«Здесь он, безусловно, прав», — подумала Ольга Сергеевна. Потом она надолго задумалась о том, что и не она эту жизнь придумала, и что эта не ею при-

думанная жизнь несправедливо переполнена именно ее, а не чьими-то еще проблемами.

«Пусть бы эти проблемы были того, кто эту жизнь придумал, — размышляла Ольга Сергеевна. — А то несправедливо получается — кто-то придумал, а отвечать другим».

Надо отметить, что Ольге Сергеевне были свойственны частые размышления на тему несправедливости мироустройства. Ими она постоянно обменивалась со своими подругами и временами делилась со своим мужем, к явному неудовольствию последнего.

Ее сын месяц назад провалился на экзаменах в институт. Не то чтобы она не побеспокоилась об этом заранее. Деньги, конечно, были заплачены. Но то ли не тому, кому надо, то ли действительно пробелы в познаниях ее сына были столь чудовищны, хотя по-

следнее, принимая во внимание текущее положение вещей, вряд ли могло быть истинной причиной, тем не менее факт был на лицо, сын не поступил в институт, и теперь его могли забрать в армию. Это тревожило Ольгу Сергеевну, и после долгой паузы она неожиданно спросила:

— Антон, а ты ведь был в армии?

— Ну да. А что?

— И как там?

В этот момент они как раз входили в квартиру, где Смачный сидел на полу и, глядя в окно, наслаждался музыкой Петра Ильича Чайковского.

«Опять ничего не делает», — подумала Ольга Сергеевна.

— Армия — это у-у-у, — прогудел Антон.

— Что значит «у-у-у»? — поинтересовалась хозяйка квартиры.

— Я думаю так, — пояснил Антон, — я думаю, в армии мужиками становятся.

— А дедовщина?

— Ну, дедовщина.

— Но ведь бьют же ребят!

— Бьют, — веско подтвердил Антон и сплюнул за балкон.

— И тебя били?

— Били.

— А ты бил?

— И я бил. Салаг разных. Когда дедом стал. А как иначе? Если салага такая себе позволяет разное? Не-е-е, — протянул Антон, — мужик должен в армию сходить и настоящим мужиком стать.

— Армия из тебя чмо делает, а не мужика, — неожиданно вмешался в беседу Смачный. — Там так, Ольга Сергеевна, на кого нарвешься, в общем, завсегда можно ласты склеить. Вот у нас прапор кусок был — врагу не пожелаешь...

— Ты рисуй свои картинки, а про

другое не базарь напрасно, — перебил его Антон.

Ольга Сергеевна, хоть и не все понявшая из сказанного, уловила все же, что Смачный что-то рисует.

— Ты рисуешь, Андрей? — спросила она Смачного.

— Да вот, пишем помаленьку, — отвечал ей Смачный.

— Что же ты пишешь?

— Картины разные.

— А чем ты пишешь?

— Когда чем. Когда карандашом, когда пастелью.

— Принес бы что-нибудь посмотреть.

— Это можно.

Антон, желая привлечь к себе внимание, вдруг встрял в беседу:

— А я вот давеча пять тысяч тетке отдал.

— Какой тетке? — удивленно спросила Ольга Сергеевна.

— В метро.

— Незнакомой тетке?— поинтересовалась Ольга Сергеевна, отличавшаяся некоторой наивностью восприятия.

— Да.

— Свои деньги?

— Не-е, не свои. Тетка деньги уронила. Семь тысяч. Так я себе только две взял, остальное ей отдал, — Антон опять хотел было произвести впечатление на Ольгу Сергеевну своим благородством, но нахмурился, заметив замешательство в глазах хозяйки.

— Почему же ты все не отдал?

— Так я же мог вообще ничего не отдавать! — недовольно пояснил Антон. Было ясно, что произвести впечатление не удалось. Тогда Антон, подумав, так же веско, как и прошлый раз, добавил:

— Не я эту жизнь придумал, Ольга Сергеевна, не я.

— Ольга Сергеевна, тут, в общем, такое дело, — поднял новую тему Смачный...

— Какое дело? — поинтересовалась на всякий случай хозяйка, хотя тема беседы ей определенно была не нова.

— У нас деньги кончились, на метро не на чем ехать. Я вон мобилу не могу оплатить.

— Но мы же договорились, оплата по факту.

— Да, но... — двое рабочих, насупившись, обступили хозяйку с двух сторон и продолжали какое-то время бубнить о своей трудной жизни.

— Ну, хорошо, — сдалась Ольга Сергеевна, — только потом я заплачу вам меньше на эту сумму.

— Само собой, Ольга Сергеевна, — двое рабочих смотрели на нее честными глазами.

— ...И ты, знаешь, дорогой, я им заплатила десять тысяч в счет будущих

платежей, — выйдя на улицу, говорила Ольга Сергеевна мужу по телефону.

— Молодец, в который раз ты повысила стоимость ремонта и увеличила его продолжительность, — недовольно гудел муж в трубку.

— Мы просто им меньше заплатим потом.

— О чем ты говоришь? Как будто в первый раз! Сейчас они уже отправились за спиртным, а на работе появятся через два дня. А насчет денег, так все, что ты им заплатила, просто увеличивает общую сумму, и никак иначе, — раздавались неумолимые слова из трубки.

Ольга Сергеевна вздохнула. Она знала: муж прав. Но ей было все же легко оттого, что на сегодня все уже закончилось и можно было пойти и заняться интересующими ее делами. В отличие от многих своих приятельниц

она не испытывала интереса к ремонтным работам своего будущего жилища, что, безусловно, сказывалась на качестве, стоимости и сроках производимых работ.

Когда рабочие остались одни, Антон спросил у Смачного:

— Ты зачем наврал, что у Батона запой? У него же камень в почках. Не знаешь, что ли? Лежит, пошевелиться не может. На стену лезет.

— Камни — это причина? Кто те поверит? Скажет, чтоб на работу приезжал. Запой — другое дело. Видел, хозяйка сразу отстала.

— А-а-а-а, это да, — с пониманием подтвердил младший.

— Знаешь, откуда у него камни в почках взялись? — поинтересовался Смачный.

— А я знаю?

— А помнишь, он два года назад грибы собирать поехал?

— Бреешь. У него машины отродясь не было.

— Машину он у тестя взял. Они еще в Перевалово жили. Тесть его пораньше за грибами ушел.

— Ну?

— Ну. А Батон проспал до двенадцати, пива долбанул, сел на машину тестя для скорости и поехал в лес их догонять.

— По лесу на машине?

— Да, чтоб скорее было.

— Ну дает Батон!

— Грибов набрал кучу.

— Из машины?

— Да.

— Разводишь.

— Я тебе говорю. Гриб увидит, дверь откроет, нагнется и сорвет гриб.

— А почки при чем?

— Потом дождь начался. Батон в лесу заблудился. Машина в грязи за-

вязла. Но у него с собой было. Пошел пешком. Стемнело. Присел, да и заснул на земле холодной. Октябрь уж был. С тех пор у него почки.

— А-а-а, понятно, — сказал младший.

— Еле нашли его. Всю ночь искали. Под утро сам пришел.

— А машина?

— Машину на следующий день все вместе из грязи вытянули.

— Ладно, пойдем за вином, — сказал младший.

Апрель 2006

Служащий среднего звена

Михаил Иванович, человек среднего возраста, открыл глаза и сладко потянулся. Какое-то время он продолжал оставаться в постели. Взгляд его лениво скользнул по белому потолку, шторам веселой расцветки и наконец упал за пределы комнаты, где через огромное окно, доходившее до пола, открывался чудесный вид на набережную.

«Великолепно, — подумал Михаил Иванович, — воскресенье, никакой тебе службы. Хочешь — пиши, хочешь — спи, а хочешь...»

Необходимо пояснить, что Михаил Иванович, чиновник среднего звена,

являл собой натуру мятущуюся, а потому постоянно пробовал себя в других занятиях, никак не связанных с его прямой деятельностью. Занятия эти захватывали его полностью на продолжительное время. Что касалось последних нескольких лет, то он страстно увлекался живописью и даже считал себя состоявшимся художником с большим будущим. Картины его, надо отдать должное, были недурны и даже порой занимательны.

«...Хочешь — пиши, — продолжал думать Михаил, глядя на мольберт, — а хочешь — пойди на свежий воздух». Мысль Михаила Ивановича вяло текла за его неторопливым взглядом, который снова переместился в этот момент за окно, на набережную, где сияло солнце и манило голубое июньское небо. «Нет, — подумал он, — я пойду кататься на роликах!»

— Котик, котик, ты проснулся? — позвал нежный женский голос, и в комнату вошла Ольга Сергеевна, жена Михаила Ивановича.

— Да, милая, я проснулся, — отвечал ей Михаил Иванович, — а что у нас сегодня на завтрак?

— Круассан и кофе с молоком, немного варенья и масло, все, как ты любишь.

«Чудно, чудно», — думал Михаил Иванович, отправляясь в душ. Он любил такие часы, когда не надо было никуда спешить, одевать чертов галстук, запонки.

— Брр, — фыркнул, стоя под душем, Михаил Иванович при мысли о галстукке. — Ну да ничего, это будет завтра, а сегодня, все прекрасно.

И вот он, освеженный утренним душем, уже неторопливо шествует к столу.

— Папа, папа, — белокурая девочка лет пяти, бросилась ему на шею, — доброе утро!

— Доброе утро, мышонок! А кто у нас мышонок? Бур-бур-бур-бур-бур, — Михаил Иванович пощекотал девочку, и та залилась веселым смехом. — А что мы сегодня читали?

— Вот, — девочка показала букварь.

— А что здесь написано?

— Бу, бу, бук-ва, рь, букварь, — произнесла девочка.

— Ах ты, молодец, — родители умильно смотрели на свое чадо.

— Кофе был великолепен, а круассан свеж как никогда! — вставая из-за стола, говорил Михаил Иванович жене, — большое спасибо, дорогая. — И он нежно поцеловал ее в щеку.

— Что ты собираешься сегодня делать, котик? — поинтересовалась Ольга Сергеевна.

— Пойду покатаюсь на роликах, — отвечал Михаил Иванович, — а после можем пообедать в каком-нибудь ресторане на свежем воздухе. Как ты думаешь?

— Прекрасно, просто прекрасно, дорогой.

— Вечером можно сходить в кино. Я читал про один фильм, который номинировался на Каннском фестивале, должно быть интересно.

— Надеюсь, а то так надоели эти «пуф-пуф», — и Ольга Сергеевна вытянула руки вперед, как если бы в них было зажато по пистолету.

— И не говори, — и Михаил Иванович, будучи противником всяческого насилия, пренебрежительно поморщился при упоминании жанра «боевик», которым в то время были завалены кинотеатры города. — Невозможно смотреть, как все только и стреляют, —

рассуждал Михаил Иванович. — А потом, внедрение огромного количества спецэффектов полностью оторвало современное кино от реальности. На экране люди убегают от взрывов, при этом умудряясь оставаться в живых. Ведь это бред какой-то! Но и этого мало, новый вид кино развивается, и скоро, я думаю, на экранах люди начнут уворачиваться от пуль. Кроме того, последнее время кинематограф безудержно эксплуатирует тему насилия. Дерутся все от мала до велика. На экране хрупкие девушки умудряются убивать плохих парней не только при помощи пистолета, но и в прямом рукопашном бою. Как будто это так просто, взять и убить человека! Нет, кино себя изживает, — с тяжелым вздохом завершил свой монолог Михаил Иванович и в задумчивости развел руками.

— Да, котик, мы пойдем на что-нибудь поинтереснее, — вторила ему жена.

Было очевидно, что они понимают друг друга.

Михаил Иванович надел шорты, обстоятельно зашнуровал ботинки роликов и неторопливо выехал в тенистый двор. Ему всегда нравился их двор, где они прожили без малого десять лет.

«Десять счастливых лет», — думал Михаил Иванович.

Здесь не было жарко даже в летний зной, когда, казалось бы, все дома большого города раскалены до предела и даже ночи не достаточно, чтобы остудить их.

«Чудно, просто чудно!» — подумал Михаил Иванович. Еще поворот, и он выехал из арки на набережную. Он поднял голову, улыбнулся солнцу и неторопливо покати́л.

Михаил Иванович искусно катался на роликах. Катание доставляло ему большое удовольствие. Он совершал плавные повороты.

«Как маятник, — думал Михаил Иванович. — Но что это?»

Путь ему преграждали какие-то люди, не по погоде одетые в темные костюмы. Они были крепкого телосложения. В ушах у них были наушники. Лица их были сосредоточены. Михаил Иванович обратил внимание, что автомобильное движение тоже перекрыто стоявшими милицейскими автомобилями, снабженными спецсигналами. Везде царила неприятная Михаилу Ивановичу рабочая суета.

Михаил Иванович ненавидел спецсигналы. Между тем улицы его родного города были заполнены такими машинами. И каждый день — так, по крайней мере, казалось Михаилу Ивановичу —

их становилось все больше и больше. Из-за них возникали затруднения движения, но тем не менее их надо было пропускать вперед. Он не понимал, почему он должен пропускать других вперед себя.

Ладно бы это были пожарные, милиция или «скорая помощь». Так нет. Главным образом это были такие же, как и он, чиновники, только рангом повыше! Это его очень раздражало.

«Ведь нет же такого в Европе! — думал Михаил Иванович. — Так почему же у нас творится такое безобразие?» — задавался он вопросом вновь и вновь и сам отвечал себе в стихотворной форме: «Страна рабов, страна господ»¹. «И ведь терпят люди такое к себе отношение! Воистину ничего не изменилось со времен Лермонтова!»

— Куда Вы? — спросил его один из людей в темных костюмах.

¹ Лермонтов.

— А что, не видно? — с раздражением ответил Михаил Иванович. Он вынужден был остановиться. Люди в костюмах преградили ему путь.

— Отвечайте, пожалуйста, на заданный вопрос, — настойчиво произнес сотрудник спецслужб.

— Черт знает что такое! Я тут живу! И вышел покататься на роликах! Неужели не заметно? — отвечал в раздражении Михаил Иванович. — А что тут происходит?

— Здесь проходит съезд правящей партии, — пояснил сотрудник охраны.

— Ну да, какой же еще? Если все перекрыли! Только правящей! — сказал Михаил Иванович.

— Пожалуйста, назад! — недовольно проговорил человек в костюме.

— Черт бы побрал все эти съезды и их участников! Все равно от них никакого толка! — раздраженно пробормо-

тал Михаил Иванович и свернул в переулок, что бы объехать перегороженную часть набережной. Из-за этого ему пришлось преодолевать участок плохого асфальта, которым был покрыт переулок.

«С какой это стати? — думал Михаил Иванович. — Нигде спасу нет от этих смигалками! Так дело пойдет, они скоро в квартиру мою будут въезжать, как к себе домой».

Перед Михаилом Ивановичем снова неожиданно появился человек в костюме и преградил ему путь.

— Куда Вы? Пожалуйста, в объезд, — твердо сказал человек в костюме.

— Как, опять? — недовольно произнес Михаил Иванович, — да от вас никакого спасу нет! — И он изловчился и проехал мимо человека в костюме.

Михаил Иванович услышал, как один говорил другому: «Черт с ним, на следующем посту задержат».

Михаил Иванович пришел в ярость. С какой стати его надо задерживать? Он здесь у себя дома. Фактически в своем родном дворе. Понаехали тут разные! Испортили весь праздник воскресенья. От нахлынувшего на него чувства праведной ярости лицо Михаила Ивановича приобрело окрас спелого помидора «бычье сердце». Он сделал еще один поворот и прямо перед собой увидел скопление автомобилей, снабженных спецсигналами. Причем один из них чуть было на него не наехал. Из автомобилей деловито выходили чем-то озабоченные люди. Лица некоторых были ему знакомы из телевизионных «Новостей». Со всех сторон к Михаилу Ивановичу устремились сотрудники охраны.

«Нет, это невыносимо, — подумал Михаил Иванович, — с этим надо что-то делать. С этим надо кончать!»

Он засунул руку в карман шортов и к своему удивлению ощутил вороненую сталь ручки маузера, семейной реликвии, подаренной его деду за взятие Перекопа в гражданскую войну семнадцатого года.

Мелькнула мысль: «Chevallier sans peur et sans reproche»¹. Без дальнейших промедлений Михаил Иванович достал пистолет и открыл стрельбу на поражение.

Июль 2006

¹ Рыцарь без страха и упрека.

В ВЫСОКИХ ИНСТАНЦИЯХ

Илью Кузьмича никак нельзя было отнести к натурам легко возбудимым. Некоторые, напротив, считали его человеком с прямо-таки железными нервами. И уж совершенно определенно, что именно таким он представлялся своим коллегам по работе. Даже в самых напряженных ситуациях Илья Кузьмич хранил полное спокойствие. Сказывался двадцатилетний стаж административного труда.

Однако же еще с вечера Илья Кузьмич находился в тревожном состоянии духа. Придя домой с работы, он ел больше обычного и казался погруженным в не-

кий мыслительный процесс. На самом деле в его голове с навязчивостью повторялись одни и те же незатейливые мысли, от которых невозможно было избавиться.

Перед сном Илья Кузьмич долго ходил по своей просторной квартире, тревожно вглядываясь вдаль. В связи с тем, что все окна его квартиры выходили на такой же однотипный многоквартирный дом, отстоявший не более чем на сто метров, получалось, что Илья Кузьмич всматривался в чужие окна. А так как осознанно на такое отвратительное действие он не был способен, это еще раз говорило о его крайнем возбуждении. Лишь глубоко за полночь Илья Кузьмич забылся в беспокойном сне.

Проснулся Илья Кузьмич раньше обычного. Без аппетита позавтракал и стал одеваться. Он всегда придавал

большое значение своему гардеробу, но в это утро он превзошел себя самого: надел лучшую рубашку и подобрал к ней лучший галстук. По правде говоря, надень он рубашку с галстуком из своих обычных, так никто, кроме него самого, этого и не заметил бы. Ибо все рубашки, галстуки, как, впрочем, носки и остальная одежда Ильи Кузьмича были абсолютно безупречны для неискушенного наблюдателя, каковыми и являлись большинство его коллег по работе.

В ту пору Илье Кузьмичу исполнилось сорок пять лет. Он был ответственным работником одного важного ведомства. Какого, сейчас с уверенностью сказать уже нельзя, ввиду того, что ведомство это, несмотря на всю свою значимость, с тех пор уже давно, и не единожды, было реорганизовано, а затем и вовсе расформировано за ненадобностью. То есть, не то чтобы функции это-

го ведомства исчезли вовсе. Нет, они остались, но тоже были с течением времени трансформированы в другие, хотя и близкие им функции, которые начали выполнять другие, ничуть не менее важные ведомства. А в этих ведомствах и по сей день трудятся не покладая рук не менее ответственные должностные лица, чем славный Илья Кузьмич.

В котором году имел место данный случай, сказать также затруднительно. Ясно лишь одно: аналогичные события часто происходили в прошлом, происходят в наши дни и, по всей видимости, будут происходить в будущем.

Но ни о чем таком Илья Кузьмич в тот момент не думал. Голова его была занята все теми же несколькими мыслями, что не давали ему покоя накануне.

А дело было в том, что Илья Кузьмич по важному поручению вышестоящего

лица готовил ответственное задание, готовил в течение нескольких дней, и вот сегодня, наконец, его вопрос должен был рассматриваться на заседании в высокой инстанции. При этом Илье Кузьмичу, как ему удалось узнать только накануне, необходимо было быть в присутствии лично. Этим обстоятельством и были вызваны столь глубокие переживания. Впрочем, благодаря железной выдержке, для посторонних они остались практически незаметны. Кроме того, большинство его коллег были погружены в свои, зачастую очень схожие ситуации, которые так цепко держали их в своих объятиях, что не допускали вторжения переживаний их ближних.

Илья Кузьмич вышел из подъезда своего дома и не обнаружил своей служебной машины. А ведь время было рассчитано.

«Я же говорил ему вчера несколько раз, — раздраженно думал он о водителе, — что сегодня он должен приехать заранее! Так всегда бывает! Когда надо, этого болвана нет!»

Но вот подоспела его машина, и Илья Кузьмич уже строго отчитывал водителя:

— Говорил тебе, Анатолий, ведь говорил!

— Да я же что, я завсегда, но пробки-то какие!

— А ты выезжай раньше!

— Понял, Илья Кузьмич, — недовольно молвил водитель.

«Бесполезно, ему хоть кол на голове теши!» — последний раз подумал Илья Кузьмич и достал папку с документами. Надо было повторить их суть перед заседанием. Вдруг спросят что-нибудь, а он и не помнит. Здесь надо отдать должное прилежанию Ильи Кузьмича:

дело он свое знал хорошо. Но ему все казалось: а вдруг что забыл. Неприятно будет, если кто-нибудь из больших людей спросит что-нибудь на заседании, а он этого и не помнит! А ведь подумают, что не знает, что не готов, и все такое прочее!

И вот уже Илья Кузьмич с поспешностью набирает по телефону своего помощника.

— Петр Петрович, нельзя ли мне того-то и того-то за номером таким-то.

....

— Еще не готово?! Но я же просил еще вчера!

...

— Сколько времени потребуется для подготовки данных?

....

— Да, пожалуйста, подвезите мне прямо в приемную.

Он нервно положил трубку телефона.

«Что за сотрудники! — раздраженно думал Илья Кузьмич, — и откуда их понабрали только!»

Илья Кузьмич все-таки прибыл в приемную заранее. За массивными дверями через несколько минут должно было начаться само заседание. Собирались большие люди. Некоторые из них здоровались с Ильей Кузьмичом. В такие минуты он чувствовал свою причастность к чему-то очень большому и важному, от чего ему становилось хорошо и спокойно.

И вот заседание началось.

Илья Кузьмич занял свое место в креслах согласно очередности вопроса. Постепенно его разобрала зевота. Со стороны могло показаться, что ему просто скучно. На самом деле зевота была нервной. Илья Кузьмич сидел в кресле уже второй час кряду, ему, стыдно признаться, хотелось в

туалет. Но он не мог себе этого позволить, его могли пригласить на рассмотрение вопроса.

В какой-то момент нерадивый Петр Петрович все-таки подвез требуемые документы. Но и это не могло успокоить Илью Кузьмича.

Несколько раз он открывал свои документы и читал, как ему казалось, забытые им места. Но от прочитанного мысли еще больше путались, как у школьника, учащего урок на перемене. От этого Илья Кузьмич нервничал еще больше.

Прошло три часа, в течение которых некоторые люди входили и через некоторое время выходили. У кого-то на лице отражалось удовлетворение, у кого-то тревога, а у кого-то испуг.

В начале четвертого часа двери зала, где происходило высокое заседание, широко распахнулись, и большие люди

стали неспешно расходиться. Один из них с удивлением посмотрел на продолжающего сидеть Илью Кузьмича.

«Почему он так посмотрел? — с беспокойством подумал Илья Кузьмич и машинально поправил галстук. — Но что же это? Похоже, заседание окончилось?» — быстро неслась мысль Ильи Кузьмича.

«А мой вопрос? Решили без меня?» — и он устремился к секретарю высокого заседания, с которым он уже лет десять целенаправленно пытался поддерживать почти что дружеские отношения.

Но секретарь разговаривал с другим ответственным лицом, рангом превосходящим Илью Кузьмича, и потому ему пришлось какое-то время нелепо топтаться рядом. А секретарь все продолжал беседу. И вот наконец лицо более высокого ранга пошло по

своим делам, и Илья Кузьмич улучил возможность поинтересоваться о решении своего вопроса.

— Александр Степанович! Как поживаете? Как дети? — широко улыбаясь фальшивой улыбкой, предназначенной для проявления самых дружеских чувств, начал было разговор с секретарем Илья Кузьмич.

— Да, да, Илья Кузьмич. Ваш вопрос был рассмотрен положительно. Вашего личного участия не потребовалось, — деловито, тоном очень занятого человека промолвил секретарь и тут же отправился по своим делам.

Илья Кузьмич выдохнул. При этом ему показалось, что он задерживал дыхание со вчерашнего вечера, когда стало ясно, что ему надо быть в присутствии лично.

Но сейчас все уже было позади. Заседание окончилось. Его вопрос был

решен без него. Он мог сходить в туалет и ехать на свое рабочее место.

Перед тем как сесть в до блеска надраенную служебную машину, на крыше автомобиля он увидел растекающуюся жирную каплю свежего птичьего помета.

— Великолепный нынче денек, Илья Кузьмич! — сказал ему его водитель.

— Что, Толя?

— Денек, говорю, нынче какой, Илья Кузьмич, — повторил водитель, заглядываясь на двух девушек в коротких юбках.

— А, денек, говоришь? — и Илья Кузьмич безучастно посмотрел из окна машины на свежую, только зарождающуюся зелень начала мая и подумал: «Ты бы, Толя, за машиной лучше следил!»

Сидя в своей служебной машине, движущейся по направлению к его ра-

бочему месту, Илья Кузьмич размышлял, какой все-таки сложный человек Александр Степанович.

Сентябрь 2005

Имидж — все

Первую пару Вера Приходько проспала. А на вторую с трудом успела.

— Вот и наша бестолковая подтягивается, — сказал студент Юра студенту Никите, завидев приближающуюся к ним энергичную Веру. Они стояли перед дверью аудитории в ожидании начала лекции.

— Почему бестолковая? — поинтересовался Никита.

— Я с ней в школе вместе десять лет проучился. Два плюс два сложить не могла!

— Здравствуйте, мальчики, — сказала подоспевшая Вера.

— Привет, Вера. Кстати, познакомься, это мой друг Никита, он учится в институте тонких химических технологий, — сказал Юра.

— А что же он тогда делает на лекции по бухучету в Институте управления? — спросила Вера.

— Неохота на лекцию по химии было идти, вот к нам и забрел.

— А-а-а, а я уж подумала: вот бывают люди, всем интересуются, — довольно серьезно сказала Вера.

В это время раздался звонок, и молодые люди устремились в аудиторию.

— Пойдем, — сказал Юра другу, — я тебя еще с Наташей познакомлю. Она подруга Веры. После лекции сходим с ними куда-нибудь. У тебя предки на даче, небось?

— Да, на даче. Можем ко мне завалиться, если что.

На кафедру взобралась какая-то женщина средних лет, и лекция началась.

— Как дела, Вера? — спросила ее соседка по парте.

— Ох, я так устала, Наташка!

— А что такое?

— Вчера опять до двух ночи на дискотеке были. А потом купаться нагишом в ночной Москве-реке поехали. То есть я-то, конечно, не раздевалась, — Вера замялась, — до конца. Но другие... А ты бы видела, что Пашка вытворял! Шампанского бутылку стоя на парапете до дна выпил! Представляешь?

— Я попрошу вас потише! — сделал замечание преподаватель Вере.

— Ах, конечно, конечно, — вполголоса пробормотала Вера, сделав скучную гримасу.

— Так вот, Пашка выпил бутылку шампанского! А потом... — продолжала Вера свой рассказ.

— Что ты говоришь, — рассеянно отреагировала умница и первая красавица Наташа, примерно записывавшая лекцию и от того слушавшая ветреную Веру вполуха.

— Что ты там все пишешь? — искренне недоумевая, поинтересовалась Вера. — Пойдем покурим лучше? Никто не заметит. Я тебе еще не то расскажу! На прошлой неделе...

— Подожди Вера, важный момент, — Наташа внимательно писала лекцию.

— Да брось ты, я тебе сейчас такое расскажу!

— Что же?

— Вчера захожу в «Армани». Кстати, согласишься, как это все-таки здорово, что в Москве наконец—то открыли «Армани». Люди давно ждали этого. А что творилось на открытии! Ты бы видела, — и Вера, погрузившись в приятные воспоминания месячной давности, закатила

глаза под потолок. — Ну да ладно. На чем я остановилась?

— И покупаешь половину магазина, — добавила Наташа с улыбкой.

— И покупаю половину магазина, — серьезно продолжала Вера, — и ты понимаешь, сил нет тащить такую тяжесть.

— Ни одного нормального мужика, кто бы помог, — продолжала рассказ Наташа, зная все незатейливые истории подруги наизусть.

— Да нет. То есть, это само собой. Но тут интереснее история, — бездумные глаза Веры широко раскрылись, и она прошептала: — Я скоро буду знаменита, и деньги польются рекой.

За день до упомянутого разговора некий Петр сказал Илье:

— Надо новый проект запускать.

— Надо. Но какой?

— Мою идею продвигать надо.

— Допустим. А как?

— Пойдем, ну, скажем, в лавку «Армани».

— Это зачем? Ведь уже вчера ходили.

— Хм, давай тогда выпьем.

— Но мы же уже пили.

Было три часа пополудни, и они уже несколько часов кряду обедали во французском ресторане на Чистых прудах.

— Так выпьем еще.

Внимательный официант тут же освежил бокалы из запотевшей бутылки «Моэ э Шандон».

Когда очередной бокал был допит, Петр повторил вопрос:

— Так идем?

— Куда?

— В лавку «Армани».

— Идем, — сказал не совсем трезвый Илья. Ему просто хотелось куда-

нибудь пойти. И лавка «Армани» была ничем не хуже любого другого места.

— Только все как обычно, — говорил Петр. — Чистоту эксперимента надо соблюсти. Должна быть первая попавшаяся девушка!

— Ну уж не совсем первая попавшаяся.

— Конечно не первая. Ну ты, в общем, знаешь, что я имею в виду. Чтобы чисто интуитивно. Без излишних раздумий.

— Само собой.

— Что ты думаешь об этой девушке? — спросил Петр Илью, когда они оказались в лавке «Армани».

— Ничего особенного.

— А я думаю, она нам подойдет.

— Почему?

— Блондинка, взгляд бестолковый, но многозначительный. Видно, что лю-

бит быть на виду. Не особенно высокая. Это, конечно, не очень хорошо. Но ведь и не низкорослая. Худая. А это сейчас модно. Давай, моя идея, твое исполнение.

— Пожалуй, ты прав, — подумав немного, ответил Илья и устремился к девушке.

— Девушка, мы с приятелем работаем на телевидении. Меня зовут Илья, а его Петр. А Вас как зовут? — спросил Илья Веру.

— Меня Вера.

— Очень приятно, Вера. Вера, а ты, я предлагаю сразу на «ты», ты хотела бы стать знаменитой?

— Очень!

— Вот и великолепно. Тогда ты обратилась по адресу. Значит, договорились?

— О чем? — недоумевающая, спросила Вера.

— Ты согласна стать знаменитой и делать для этого то, что мы тебе скажем?

— А что мне надо делать?

— Да, в общем, ничего особенного. Чем ты сейчас занимаешься?

— Я нахожусь в лавке «Армани». Выбираю одежду.

— Ну, а вообще чем ты занимаешься? Что ты любишь делать? Как проходит твоя жизнь?

— Я люблю ходить на дискотеки, люблю купаться ночью...

— Гольшом? — не удержался Петр.

— Петр?! — укоризненно сказал Илья. — Держи себя в руках.

— Смотри с кем, — невозмутимо поддержала Петра Вера. — Я люблю ездить на автомобилях...

— На дорогих, — опять встрял неугомонный Петр.

— Ну, а на каких же? И особенно по

вечернему городу на большой скорости. Особенно на кабриолетах, — глаза Веры приобрели мечтательное выражение, и она продолжала: — Я люблю шампанское, сигареты «лайт» и, конечно же, казино. Я люблю тусоваться... — Вера хотела продолжать описывать свои увлечения, но Петр прервал ее:

— Вот и великолепно, на этом тебе надо будет сосредоточиться.

— А еще, — все же прибавила Вера, — я учусь в институте.

— А вот с этим придется повременить. На все времени не хватит. Тусовка требует жертв. Надо выбирать, — строго сказал Илья, нахмурив брови, но, заметив легкий вопрос в глазах Веры, добавил: — Нет-нет, формально ты, конечно же, будешь числиться в институте и дальше. Получишь диплом в положенное время. Все хлопоты мы берем на себя.

— Да что там. Ведущий преподавательский состав будет счастлив иметь студентку, лицо которой будет красоваться на всех уличных растяжках, смотреть с экрана телевизора и гляцевых обложек модных журналов.

— А на что же я буду жить? Как же я устроюсь на работу?

— За это не беспокойся. Тусовка. Это и будет твоя работа. Деньги польются рекой. Реклама! Так договорились?

— Договорились, — Вера смотрела на своих благодетелей, и у нее было такое ощущение, будто бы она обкурилась марихуаной, хотя уже как неделю она не брала этого зелья в рот.

— Смотри, по-моему, то, что надо, — говорил Петр Илье за ужином. — А вчера, помнишь, совсем не везло! Помнишь эту, как ее, Наташа, что ли? Такая, казалось бы, красавица и умница, а не согласилась.

— Я даже ночью ворочался, все ее вспоминал. А она ведь даже телефон не оставила. Где ее теперь разыщешь? — посоветовал Илья.

— Ее и не надо разыскивать. Она бы не потянула, шибко умная, — сказал нацеленный на работу Петр. — Имидж — все. Все остальное — ничто. Только мешает.

— Я думаю, ты прав, — вздохнул Илья, — но попробовать можно было, а там, глядишь, и вне работы встретились бы.

— Ты, Илья, дело с работой не путай, — строго сказал Петр.

— Слушай, ко мне эти шутники тоже подходили, — проявила интерес к рассказам Веры Наташа.

— К тебе подходили?! — взвизгнула Вера. — Илья и Петр? Так, значит, вместе опять будем? — Что вместе?

— Ну, реклама, тусовка! Предложение этих ребят, Петра и Ильи.

— По-моему, это какой-то бред!

— Почему это бред? По-моему, неплохие ребята. Ты видела, на какой они тачке приехали?

— Не обратила внимания.

— Ну, ты даешь! Так ты что, отказалась?

— Конечно, — с чувством собственной правоты ответила умная Наташа и, подумав, добавила: — А этот Илья, кажется, ничего. Интересный парень.

— Когда с ним встречаешься? — заинтересованно спросила Вера.

— Не встречаюсь вовсе.

— Это почему?

— Я на улице не знакомлюсь, — ответила Наташа, трудолюбиво записывая лекцию.

Вера даже не нашлась, что ответить, просто удивленно посмотрела на сокурсницу и пошла курить.

Как-то раз, лет через пять Юра и Никита, которые разговаривали с Верой в то далекое утро, встретились за кружкой пива.

— Как Наташа поживает? Вы ведь с ней были когда-то дружны? — спросил Никита.

— Она вышла замуж. Сама работает в аудиторской фирме «МакКензи», света белого не видит. Года через три сменит «Пежо» на маленький «Мерседес», лет через десять купит собственный домик. Потом домик побольше. Потом расплатится по ипотеке. Потом, глядишь, и партнером станет в какой-нибудь консультационной фирме. И так далее. Очень целеустремленная. И муж такой же подобрался.

— Слушай, а звезда Верки Приходько, или как ее теперь называют: Вера «Амоге», того и гляди закатится.

— Это вряд ли. А с чего ты взял?

Она-то, между прочим, наслаждается жизнью по полной, здесь и сейчас.

— Смотри, рекламные растяжки с ее именем с Тверской полгода как убрали.

— Зато она теперь с обложек глянцевого журналов смотрит. А передача «Эксклюзивная тусовка» чего стоит? Ты видел?

— Да видел, бред какой-то несет с экрана с важным видом.

— Бред не бред, а народу нравится. Она, считай, уже телеведущей стала. Того и гляди запоет.

— Ну, когда-нибудь и этому придет конец.

— Когда-нибудь конец придет всему, что ни возьми.

— Здесь ты прав.

Друзья допили пиво и разошлись.

Декабрь 2005

Клавдия

Эта история произошла в то далекое время, когда в Москве люди самого разного достатка могли запросто жить в одном подъезде. Анна Сергеевна, дама лет тридцати, была стройная, красива и хорошо образованна. В силу сложившихся обстоятельств она не была обременена заботой о хлебе насущном. Решением этого вопроса был занят ее муж. Несмотря на все это Анну Сергеевну постоянно одолевало чувство тревоги. Вот и сейчас она не могла найти себе места и беспокойно перемещалась по своей просторной квартире. Беспокойство Анны Сергеевны, как ей

тогда казалось, происходило из-за семейных неурядиц, в которые, в отсутствие других занятий, она была полностью погружена.

Надо признать, что Анна Сергеевна была очень ревнива, а муж ее, пропадавший на работе до позднего вечера, тем самым подавал ей все поводы для ревности день ото дня. Ревность отравляла их отношения, которые претерпели значительные ухудшения в течение последнего года. Больше всего на свете Анна Сергеевна опасалась узнать, что у мужа завелась еще какая-то женщина.

«Тогда — все. Нашему семейному счастью окончательно и бесповоротно настанет конец», — думала Анна Сергеевна.

Сейчас она с тревогой смотрела из окна на утопающую в майской зелени улицу. По улице шла соседка с первого

этажа. Розовощекая девушка, обычной внешности, лет двадцати двух. Звали ее Клавдия. Рядом с Клавдией шел ее муж. Простой парень. Звали его Артем. Артем вез детскую коляску, а Клавдия вела за руку ребенка на вид лет трех.

«Вот, — думала Анна Сергеевна, глядя на них, — Клавдия как нелепо одета. Даже если бы у нее и были деньги, она все равно не смогла бы одеться со вкусом. Вкуса у нее ведь все равно нет и быть не может. Наверное, и книги-то ни одной сверх школьной программы не прочитала. А Артем? Совсем не красавец. Денег не зарабатывает. Обтрепанный весь. А как они друг другу улыбаются. По всей видимости, они счастливы! «А я, — думала Анна Сергеевна, — умна, красива, образованна, обеспеченна, в конце концов! А жизнь моя терпит фиаско! Я несчастная! Мне в жизни не повезло».

Так она размышляла еще какое-то время, пока робкий звонок в дверь не отвлек ее внимание. Анна Сергеевна открыла дверь и, к своему удивлению, увидела соседку с первого этажа.

— Клава?

— Здравствуй, Ань.

— Проходи, проходи Клава, — приветливо пригласила соседку Анна Сергеевна. Они не были, да и не могли быть близко знакомы. Так, встречались несколько раз в подъезде. Но Анна Сергеевна была рада любому, кто мог отвлечь ее от грустных мыслей.

— Я на минуточку.

— Ничего, ничего, — говорила Анна Сергеевна, — хочешь, чаю выпьем?

— Давай.

Через пять минут они сидели и пили горячий чай.

— Слушай, я тут на секцию своего старшего водила, — сказала Клавдия.

— На какую секцию? — поинтересовалась Анна Сергеевна.

— Да тут, недалеко. Так вот ...

— Так на какую секцию? — пыталась внести ясность хозяйка дома.

— Да там, в нашей школе бывшей, — продолжала Клавдия, — так вот, я там такого мужика встретила. Он тренером там у них. Смотри, вот фото.

И Клавдия проворно неизвестно откуда извлекла помятую фотографию три на четыре, с которой на Анну Сергеевну смотрел лысоватый человек средних лет с обвисшими усами и испуганным взглядом, как если бы его секунду назад поймали на мелком воровстве.

— Нравится, да? — уточнила на всякий случай Клавдия и, не дожидаясь ответа, продолжила свое эмоциональное повествование. — Так вот, как он меня целовал потом, как целовал!

— При ребенке?

— Так он маленький еще, да и отвлекся он на что-то.

— А Артем? — удивленно спросила Анна Сергеевна. По всей видимости, Клавдию нимало не смущал тот факт, что Анна Сергеевна не являлась ей близкой подругой.

— А что Артем? Он сам-то? Загулял Артем. Вот оно как, — с обидой в голосе пояснила Клавдия.

— А как ты это узнала? — с трепетом в голосе осведомилась Анна Сергеевна. Эта тема имела для нее особенную актуальность. Чужой опыт мог оказаться очень полезен.

— Ну, это уж каждая баба про своего мужика точно знает, — уверенно заявила соседка снизу. — Не дай тебе бог такого, не дай бог!

При этих словах на веселые глаза Клавдии неожиданно навернулись слезы.

«Это точно, — думала Анна Сергеевна, — не дай бог».

— Так вот, короче, так он меня целовал, так целовал, что я пришла домой и все Артему и рассказала.

Анна Сергеевна молча смотрела на Клавдию. Она была поражена.

— Да, так и рассказала, — глаза Клавдии вновь повеселели, и в них заиграли озорные огоньки.

— А он?

— Орать стал. Все поверить не мог. Все мои вещи перерыл зачем-то. Нашел противозачаточную таблетку. А мы ими не пользуемся обычно. А я тут ему и говорю: «А сам-то ты, у тебя ведь баба на стороне есть». Ему это ух как не понравилось. Даже под глаз мне фингал поставил. А потом из квартиры вон.

— И давно это у вас произошло?

— Недели три как. Потом вернулся, конечно. Куда он от меня?

«Мне бы ее уверенность», — думала Анна Сергеевна. Она продолжала размышлять на предмет непонятных ей истоков уверенности Клавдии до того момента, пока не пришел с работы муж.

— А какие женщины тебе нравятся? — спросила она мужа.

— Такие как ты, — отвечал муж.

— Нет, а все-таки?

Муж ничего не ответил, посчитав тему исчерпанной.

— А тебе нравится Клавдия?

— Какая еще Клавдия? — насторожился муж.

— С первого этажа.

— А-а-а, эта. Ну что ты, как же она может нравиться? Она совершенно неинтересная, — устало отвечал муж.

— Чем же неинтересная?

— Ничем не интересная, фигуры никакой, да и вообще, — устало махнул рукой муж.

«И почему я не могу сказать с уверенностью, как Клавдия, есть у него кто-то или нет?» — думала Анна Сергеевна, глядя на мужа.

Как-то раз через полгода Клавдия опять зашла по-соседски к Анне Сергеевне.

— Как дела, Ань? — спросила она, стоя в дверях.

— Хорошо, а у тебя? Проходи, чаю выпьем, — пригласила Клавдию Анна Сергеевна.

— Слушай, я тебе сейчас такое расскажу, — начала Клавдия. — Ездила я в пионерский лагерь вожатой. В августе было дело. Там встретила Илью.

— Это что, тренера так звали? — спросила наивная Анна Сергеевна.

— Какого еще тренера?

— Который тебя весной так целовал, что ты мужу все рассказала.

— Да нет, этого я с тех пор и не виде-

ла. На секцию сын ходить отказался, ну и не виделись мы с тренером больше. Хороший мужик был, — сказала Клавдия и мечтательно посмотрела в потолок, а потом оживленно продолжила начатую историю про пионерлагерь. — Так вот, встретила я там Илью. Он там тоже пионервожатым был. Как он меня целовал! Как целовал! На второй день у нас с ним все и случилось. А потом, в Москве, представляешь, пропал, не звонит, хотя телефонами мы обменялись. А я, между прочим, Артему все рассказала. Не могла иначе.

— А он что? — поинтересовалась Анна Сергеевна.

— Артем? Опять мне фингал поставил и потом к себе переехал. Сказал, мол, надоело это ему. Представляешь?

— И что, вы сейчас порознь живете?

— Да. Вот пришла денег у тебя занять. Детям есть нечего, — при этом до

этого бодрое лицо Клавдии приняло плаксивое выражение.

— Артем тебе не дает денег?

— Дает, но не хватает.

— А пионервожатый что же, так и исчез?

— У меня не исчезнешь! Хоть телефон он мне неверный дал, я нашла, где он живет, и встретила его. После работы, наверное, шел. Идет такой, как ни в чем не бывало. Я к нему. Он увидел меня, удивился. Я тогда спрашиваю: «Что же ты не звонишь?» А он, представляешь, тут мне возьми да и скажи, что, мол, что было, то было, а тут, в Москве, у него семья и дети. В общем, не нужна я ему стала. В пионерлагере, значит, нужна была, а тут нет! Я ему говорю: «Да я из-за тебя с мужем разъехалась!». А он так это мне обратно отвечает, что он тут ни при чем. В общем, подлецом оказался! В общем, врезала я

ему, да и пошла себе. Слушай, так денег дашь взаймы?

— Сколько тебе?

— Дай пять тысяч.

— Пять не могу, — Анне Сергеевне не хотелось лишаться денег, но и отказывать несчастной Клавдии было тяжело.

— А сколько можешь? — наседала Клавдия.

— Тысячу, — неуверенно сказала Анна Сергеевна.

— Дай хоть тысячу.

— Когда отдашь?

— Через неделю.

— Хорошо, — и Анна Сергеевна достала деньги.

С тех пор Клавдия к Анне Сергеевне не заходит.

Апрель 2006

Поход в парикмахерскую

*Сравнение — добровольная
пытка ума,
Мудрый не сравнивает, а зна-
чит не отнимает...*

Лао Цзы

Была середина октября. То изумительное время, когда на острове, где по древним преданиям Афродита вышла на берег из морской пены, температура воды и воздуха равны друг другу, а тучи никогда не застилают солнце.

Чета Петровых давно облюбовала Кипр для проведения своего осеннего отдыха. Когда в Москве уже прощались с бабьим летом, и осень, казалось, неотвратимо вступала в свои права, неся с собой холод и затяжные дожди, они

уезжали на Кипр, чтобы вновь оказаться под ласкающими лучами средиземноморского солнца.

Последние годы Петровы останавливались в одной из лучших гостиниц курортной зоны Лимассола «Four seasons». Тут, как им казалось, все отвечало их представлениям о полноценном отдыхе: достойное обслуживание, просторные номера. Петровы предпочитали брать номер с видом на море. Гостиница имела свой пляж. Вечерами по дорожке, идущей вдоль берега моря, Петровы совершали неутомительные прогулки до их любимой рыбной таверны, где, неторопливо поглощая рыбное «мезе», они под шум легкого прибоя наслаждались угасанием южного дня.

Особенно была довольна Любовь Васильевна, жена Петрова, женщина средних лет, слегка располневшая в последние годы, но не потерявшая дан-

ного ей от природы шарма. Дело в том, что Любовь Васильевна в последнее время не на шутку увлекалась талассо-терапией. Бывает ведь такое? Полюбит что-нибудь человек неожиданно и без этого ему уже и свет не мил. Так вот, в гостинице «Four Seasons» она без труда находила искомое.

Михаил Ростиславович же, так звали самого Петрова, развил привычку просто сидеть под тентом и смотреть вдаль, где синее море сходилось с голубым небом.

Конечно, скажет умудренный жизненным опытом читатель, можно найти и более достойные места для отдыха. Но Петровы, изрядно поездив по миру, облюбовали именно это место и были тому рады.

В тот памятный день после обильного завтрака Любовь Васильевна, по своему обыкновению, собиралась на се-

анс талассотерапии, а Михаил Ростиславович сидел на балконе и смотрел на линию горизонта.

«Как же хорошо», — думал Петров, бесцельно глядя в даль. Хотя это ему и не особенно давалось, он отчаянно пытался ни о чем не думать. Просто смотреть. Недавно он где-то прочел, что мудрец в своем умственном развитии совершает две метаморфозы. Первая заключается в накоплении всяческих знаний и суждений и переходе от мышления ребенка к мышлению взрослого человека. Вторая же стадия самым парадоксальным образом заключалась в обратном движении, а именно, освобождении сознания от любых мыслей и суждений, только мешающих ему, и переходе к незамутненному состоянию мышления ребенка.

— Почему? — мог спросить непосвященный Михаила Ростиславовича.

Да, хотя бы потому, ответил бы он

ему, что, как говорил Лао Цзы, «хочешь сказать истину — молчи», или «все слова — ложь». Так зачем же тогда, спрашивается, их, истины и всякие там мысли, говорить. А если не говорить, то зачем же их иметь? В голове Петрова вертелись и другие мысли различных философов, но уже экзистенциального характера. Ему никак не удавалось сделать выбор между некими «мертвящими истинами», и «Откровением», противопоставленными друг другу Кьеркегором. Нельзя сказать, чтобы Михаил Ростиславович был атеистом, с другой стороны, не исповедовал он и никакой религии, а потому не был готов принять «Откровение» как данность. Ему требовались доказательства, и потому он продолжал размышлять.

«Точно, — подумал он, — лучше всего подходит русская поговорка: «За деревьями леса не видно». Так и есть,

все эти мертвящие истины, описанные Кьеркегором, суждения других, набор данных, группирующихся в информацию, информацию, переходящую в так называемое знание, — при мысли о знании Михаил Ростиславович ухмыльнулся, ведь вся пропасть относительности любого знания открылась ему уже давно, — и есть деревья, за которыми леса-то и не видно». Под лесом Михаил Ростиславович понимал некую потаенную суть вещей. А потому, к черту их. Все с белого листа! Долой мысли!

Но от мыслей отделаться было не просто. Почему-то вспомнились слова из популярной песни, которые так и звучали: «Мои мысли — мои скакуны».

«Тьфу ты, пакость какая!» — подумал при этом Михаил Ростиславович. Он считал себя высокоинтеллек-

туальным человеком, которому не к лицу опускаться до вульгарных песен.

Посидев еще немного в шезлонге, Михаил Ростиславович задался новым для себя вопросом: «Кто я?» — а потом добавил: «И зачем я есть?»

Ввиду отсутствия ясного ответа на второй вопрос он решил временно сосредоточиться на первом.

«Кто я?» — еще раз спросил сам себя Михаил Ростиславович, а потом с чувством удовлетворения ответил: «Это очень просто. Я — достаточно удачливый деловой человек». При этой мысли безмятежная улыбка было коснулась его уст, но его неугомное сознание уже посылало ему новый вопрос.

«Но в чем я удачлив?» — сам себя спросил Михаил Ростиславович, и брови его сдвинулись к переносице.

«Давайте посмотрим, я ведь многого

достиг», — мысленно отвечал он на свой вопрос, и перед его глазами поплыли запоминающиеся моменты его жизни. К несчастью, он решил начать издалека и увидел себя не слишком прилежным учеником в школе.

«Это ерунда, — сказал сам себе на это Петров и мысленно махнул рукой, — большинство отличников мало чего достигают в практической жизни. Тогда как троечники и хорошисты — наоборот. К тому же отличники главным образом девушки. Они просто зубрят любой, даже совершенно не интересующий их материал, а сдав экзамен, пусть и на отлично, сразу забывают его. И чего они достигают потом? Мало чего. А мальчики делают то, что им интересно. Если мальчик имеет тройку по дисциплине, то это лишь результат того, что она его не интересует. И на то, что его не интересует, он не будет тратить

время. А то, что его действительно интересует, он, то есть такой как я, — думал Михаил Ростиславович, — делает на отлично и помнит всю жизнь. И это свойство характера помогает ему дальше в жизни сконцентрироваться на действительно интересующих его вещах, а все ненужное отбросить. Бывший же отличник по школьной привычке и во взрослой жизни продолжает делать, все, что ему говорят другие. Оттого в жизни у него просто не хватает времени на то, чтобы сконцентрироваться на главном. Так и продолжает исполнять поручения других. А на этом далеко не уедешь!»

Последовательно развивая ранее взятую линию мысли, Михаил Ростиславович заключил, что ввиду того, что все предметы не могут быть одинаково интересны даже для отличника, отличная успеваемость по всем предметам

сродни инфантилизму, столь вредному в практической жизни. «Посмотрите на Симакова, который всегда был отличником, и чего он достиг?» Его одноклассник и друг медалист Симаков действительно не смог устроиться в современной жизни и влачил жалкое существование преподавателя Московского университета, хотя и утверждал, что духовно он богат.

«А я богат и духовно и материально, — сравнивая себя с Симаковым, думал Петров. — Я, между прочим, имею престижную квартиру в тихом центре Москвы, неплохой загородный дом на Рублево-Успенском шоссе, мои сыновья учатся в престижных университетах. Сам я занимаю далеко не последнее место в крупнейшей фирме, заседаю в Советах профессиональных ассоциаций, я автор профессиональных печатных работ, у меня есть дипломы и сертифи-

каты иностранных бизнес-школ. Я езжу на машинах класса люкс. Я вхожу в Совет ассоциации любителей охоты. Я, в конце концов, ценитель прекрасного, коллекционирую вина, и даже приобрел несколько недорогих подлинников мастеров изобразительного искусства...»

Так думал в то утро Петров, пока на ясном небосклоне Кипра неожиданно не появилось облако — явление исключительно редкое для этого времени года, — которое, быстро увеличиваясь в размерах, начало надвигаться на безмятежно светившее солнце. И с самого момента появления облака мысли Михаила Ростиславовича о самом себе приняли иной оборот.

«Да что это я, — думал Михаил, — все я, да я. А у меня ведь проблем непроворот».

Тут Петров вспомнил о том, что немалый доход его давно не увеличивал-

ся, что при галопирующей инфляции последних лет означало существенное его падение. Последние результаты операций с собственными сбережениями на фондовом рынке оставляли желать лучшего. На работе его изрядно теснила подрастающая молодежь. С его мнением определенно перестали считаться. Разговор давно уже не шел о продвижении вперед. Задача текущего дня заключалась, как ни прискорбно это было признавать еще не старому человеку, в удержании ранее достигнутых позиций. Но из общего курса биологии он знал, что всякий организм может либо расти, либо деградировать. Что-то подсказывало ему, что в его случае речь о росте не идет.

А недавно он получил электронное сообщение от одного из сыновей, что у него не все гладко в университете и, возможно, он предпочтет оставить, как

он выразился, «бессмысленный процесс обучения». «Интересно знать, — думал Михаил Ростиславович, — зачем были затрачены такие деньги непосредственно на само обучение и на проживание под Лондоном?» При этой мысли кровь в его жилах буквально закипела.

Он вспомнил и о том, что жена совершенно не разделяла его подхода к данной проблеме. Вместо того чтобы выступить единым фронтом во взаимоотношениях с разгулявшимся сыном, из головы которого требовалось просто выбить дурь, без конца говорила о том, как бедному мальчику приходится трудно на чужбине.

«Так всегда было, — мрачно думал Михаил Ростиславович о жене, — в тяжелые времена от нее я никогда не чувствовал никакой поддержки. Вот и сейчас — денег стало меньше, а ей почему-то просто необходимо поменять машину,

и нужен непременно «Ягуар», как у ее подруги Никоновой. То, что у Никоновых, между прочим, денег куры не клюют, ее совершенно не волнует! Как все-таки некоторым улыбается удача! Сын у них — медалист и отличный спортсмен. Они, между прочим, летают на собственном самолете! А мне что теперь, пуп надорвать? Может быть, еще денег в долг взять на текущие расходы?»

Туча окончательно заслонила солнце, и на некогда безмятежное чело Петрова легла тяжелая тень. При этом какое-то тошнотворное чувство постепенно завладело всем его существом. Он снова подумал о необходимости удерживания когда-то завоеванных, но теперь, по всей видимости, обесцененных позиций, и ему стало просто тошно. Идти вперед, принимать ответственность на себя — это было ему близко, но при текущей ситуации подобный стиль пове-

дения мог привести к очень плачевным результатам: можно было лишиться и того немногого, что имеешь. А потому, надо было сидеть тихо, находить взаимопонимание, а фактически, что там говорить, просто сдавать позиции совершенно ничтожным людям. Это было отвратительно! А ведь тот же Никонов давно решил все эти вопросы, и теперь волен делать, что хочет.

«Дела мои, право, совсем неважные, — заключил Михаил Ростиславович, — дальше так нельзя. Что-то надо делать. Что-то делать. Но что именно?»

Видимо, потому, что Михаил Ростиславович являлся не только деловым человеком, любителем искусств, но и философом в некотором смысле этого слова, тут ему в голову возьми да и приди интересная мысль.

«Ведь форма воздействует на содержание не меньше, чем содержание на

форму, — подумал Петров. — Дай-ка я пойду и, скажем, подстригусь. Улучшу свой внешний вид. А он, в свою очередь, изменит к лучшему мое внутреннее состояние. А там, глядишь, и дела наладятся».

— Ты знаешь, душа моя, — достаточно громко, чтобы было слышно с балкона, на котором он находился, во внутренних покоях просторного номера, сказал Михаил Ростиславович, — пожалуй, пойду я подстригаться.

Любовь Васильевна, находившаяся в тот момент в ванной комнате, не расслышав толком вопроса мужа, переспросила с удивлением:

— Пойдешь стреляться?

— Да нет же, подстригаться! — отвечал ей Михаил Ростиславович, думая с раздражением: «Зачем, интересно, повторять всякий бред? Ну, послышалось тебе что-то нелепое, так ты лучше

переспроси, чем повторять неизвестно что?»

Потом он почему-то подумал о том, что жизнь иногда сама дает подсказки, надо только их правильно интерпретировать.

«Ведь Люба права! Как тонко она это подметила, — размышлял Михаил Ростиславович, сидя в тени огромной тучи. — Действительно, чтобы найти выход из сложившейся ситуации, не обязательно воздействовать на форму, гораздо действеннее будет оказать должное воздействие на само содержание! Но как бы это реализовать? А вот как».

Преодолевая окончательно завладевшее им чувство тошноты, он спустился в фойе гостиницы, сел в небольшое купе «Мерседеса», которое они арендовали на время своего пребывания на острове, и через двадцать

минут был в горах у своего студенческого приятеля, живущего в отдаленном бунгало уже лет десять. Накануне за ужином они договорились, что Михаил заедет к нему потолковать о делах. Поэтому приятель не был удивлен приезду друга. После коротких приветствий они проследовали в кабинет, в котором Петровы бывали много раз во время своих частых посещений острова. Приятель Петровых был старый холостяк и большой коллекционер оружия, часть которого красовалась во всем своем холодном блеске на стенах кабинета.

— Я на секунду, — сказал приятель Петрова, и вышел из комнаты.

«Все один к одному! Вышел как раз, когда надо», — подумал Михаил Ростиславович и окинул оценивающим взглядом оружие, развешенное на стенах кабинета. После недолгих

колебаний взгляд его остановился на парабеллуме.

«Вот оно, и никаких проблем», — подумал Михаил Ростиславович, взял пистолет и, приставив его к виску, спустил курок.

Июль 2006

Приз

— Кстати, ты помнишь Веронику?

Этот простой, казалось бы, вопрос заставил сердце Ивана Ильича, человека среднего возраста, биться сильнее обычного. Он посмотрел на своего старого друга, элегантно держащего бокал джин-тоника. Друга звали Сергей Сергеевич. Он был одет в безупречную «тройку» в полоску. Одна нога его покоилась на другой. Носок его надраенного до блеска ботинка неспешно покачивался в такт легкой фортепьянной музыке, доносившейся из глубины зала. Их случайная встреча в фойе гостиницы «Дочестер», что на Парк Лэйн,

затянулась и плавно переросла в долгий аперитив.

— Никольскую? — уточнил на всякий случай Иван Ильич.

— Как я погляжу, память тебе не изменяет, — Сергей Сергеевич с детства не любил прямо отвечать на поставленный вопрос. По неизвестным причинам он находил в этом что-то унижающее.

Последний раз Иван Ильич видел красавицу Веронику лет двадцать назад. Она была утонченной во всех смыслах этого слова девушкой. Тогда ее слегка раскосые глаза томно взирали на окружающий мир. И этот мир был к ней благосклонен.

Веронику судьба наградила многим. Она была очень хороша собой, высока, стройна, начитанна. Вероника была хорошо образована и могла поддержать беседу на самые разные темы, кроме,

пожалуй, сугубо технических предметов. Искусство и литература были ее сильными сторонами. К тому же, Вероника знала несколько иностранных языков.

Не обделил ее бог и родителями. Семья ни в чем не нуждалась. А потому Вероника всегда была одета по последней моде и со свойственным ей тонким вкусом. В юные годы она, перемещаясь из страны в страну вместе с родителями, многое успела увидеть своими глазами.

Иван Ильич, так же, как многие, попал под ее чары. Но для того чтобы встретиться с Вероникой наедине, недостаточно было просто пригласить ее куда бы то ни было. Нет! Тут должно было быть что-то выдающееся. Вероника посещала только самые интересные, самые популярные кинокартины, театральные представления

и выставки. Заурядные события светской жизни она игнорировала.

Мать Вероники тщательным образом опекала свое единственное чадо. А Вероника этой опекой не особенно тяготилась. Более того, частенько она даже использовала ее в своих интересах.

Таким образом, желающим понравиться Веронике нужно было понравиться и ее маме. Некоторые молодые люди преуспевали и в этом, прямо скажем, не простом деле. Ведь мама у Вероники была особа избалованная и требовательная к другим. Ее жгучая жажда деятельности многим не давала покоя.

Вероника в компании или при личной встрече озвучивала какую-либо проблему, которую якобы не было никакой возможности решить двум слабым женщинам. При этом считалось неприличным поинтересоваться, почему

бы отцу Вероники, у которого имелись многочисленные помощники, не взять решение данного вопроса на себя. Проблемы могли быть самые разнообразные, как то: облагородить площадку перед загородным домом или встретить маму в аэропорту. Тут же находился доброволец, иногда их было несколько; круг общения, надо заметить, подбирался соответствующий. Все страстно желали оказать эту мелкую услугу, занимающую по обыкновению не более часов шести-семи в общей сложности. Молодые люди, регулярно выполняющие поручения Вероники и ее мамы, числились у них на хорошем счету.

К несчастью, Иван Ильич вряд ли мог составить достойную конкуренцию поклонникам Вероники. На то было множество причин, главной из которых была та, что прежде всего он был изрядно занят самим собой. Свое свободное

время юный Иван предпочитал проводить на корте, сжимая в руке теннисную ракетку, а не лопату для работ по облагораживанию приусадебного участка загородного дома Вероники. А сомнительному удовольствию отстаивать очереди за билетами на премьеры он без раздумий предпочитал лежание на диване с книгой в руке.

Тем не менее юный Иван не отчаивался и при удобном случае не упускал шанса произвести впечатление на девушку доступными ему методами.

В какие-то минуты Ивану даже казалось, что это ему удастся. Но наступал новый день, и на его предложение просто пройтись по улицам города или, что еще лучше, зайти к нему домой, он получал отказ. Вероника оказывалась занята. Она же не могла отклонить предложение пойти на ту или иную грандиозную премьеру с таким-то или

таким-то молодым человеком? Впрочем, юный Иван не особенно унывал.

Несколько раз он даже целовался с Вероникой. Но у него всегда возникало ощущение, что он просто получал свою награду за особенно красивый букет роз.

«Принеси я букет пышнее, был бы поцелуй чуть-чуть длиннее», — бывало, думал Иван Ильич, возвращаясь домой.

Не чувствуя особенной заинтересованности к нему со стороны Вероники, Иван наблюдал за ее отношением к другим. Может быть, у нее есть тайная любовь? Но он не мог обнаружить и легкого намека на пылкие чувства, столь свойственные нежному возрасту. Кажалось, она всегда оставалась достаточно безучастной к окружающим ее молодым людям.

Еще одной проблемой Ивана Ильича в его неравной борьбе за Веронику, если

это слово было вообще к нему применимо в контексте их случайных встреч, было то, что его родители не занимали особенно ответственных постов. И хотя семья отнюдь не бедствовала, по показателям перспективности он определенно уступал слишком многим из окружения девушки. А здесь уж мама Вероники была на страже.

При этом внешне Вероника была вполне демократична. В круг ее почитателей входили, как это представлялось в то время, и малоперспективные молодые люди. Среди них встречались самые разные ребята, вплоть до полу-маргиналов, хотя последние редко появлялись у нее в гостях. В их адрес Вероника частенько отпускала уничижительные замечания, не возражая при этом против их присутствия. Главным было то, чтобы они подтверждали свои чувства к ней,

неустанно исполняя ее поручения и просьбы ее мамы.

В конце концов Вероника вышла замуж за какого-то молодого человека своего круга и подававшего большие карьерные надежды, который чаще других дарил ей красивые букеты цветов, приглашал ее на самые модные представления, звонил ей чаще всех, а также исправно помогал ее маме по хозяйству.

Известие об этом событии расстроило Ивана, и он, сославшись на недомогание, не пошел на ее свадьбу. И еще долгие месяцы перед сном юный Иван Ильич мечтал, как он стремительно берет все новые и новые вершины карьерной лестницы, как это становится известно Веронике, и как она осознает совершенную ей ошибку. Однако вскоре интерес Ивана Ильича к данной теме угас. В конце концов, вокруг было так много красивых девушек, что чрезмер-

ные страдания по одной из них были неуместны.

— Так что Никольская? — спросил Иван Ильич, чувствуя, что не все еще угасло в его черствеющем с годами сердце.

— Совсем неплохо, до сих пор хорошо выглядит. Скучает только, как всегда.

— А где ты ее видел? — спросил Иван Ильич.

— Наши загородные дома в одном поселке.

— Насколько я помню, дома в твоём поселке стоят не один миллион? А я как-то слышал, что дела у ее мужа, — Андрей, кажется, его имя, — после некоторого взлета давно идут под гору?

— У Андрея они, может быть, и пошли под гору, мне даже говорили, будто он теперь уже совершенно конченный человек, а вот у Вероники, напротив,

все в полном порядке, — пояснил Сергей Сергеевич и взял паузу.

— Да? — молвил Иван Ильич, побуждая приятеля к развитию темы.

— Да, — улыбался Сергей Сергеевич, держа паузу.

На какое-то время воцарилось молчание. Иван Ильич, несмотря на очевидный интерес к затронутой теме, упорно молчал.

«Всегда такой упрямый был», — думал тем временем Сергей Сергеевич, глядя на Ивана Ильича. Молчание старого друга, которого он не видел тысячу лет, явилось для него своего рода ключом к двери в былое. В то славное, совершенно беззаботное время, когда они студентами, бывало, сидели на скамейке в парке, потягивая пиво и прогуливая занятия. И он, Сергей, желая произвести эффект на Ивана какой-либо новостью, так же, как

сегодня, брал паузу, побуждая друга к вопросу. А Иван, хоть снедаемый любопытством, так же многозначительно молчал.

«Как же хорошо», — делая большой глоток джин-тоника и глядя на благородные деревья Гайд Парка, думал сейчас Сергей Сергеевич то ли о прошлом, то ли о настоящем, то ли обо всем сразу. И лишь после того как секунды сплелись в минуту, он, так и не дождавшись прямого вопроса, сдался:

— Она развелась с Андреем Румянцевым лет пять назад.

— Вот как..., — степенно молвил Иван Ильич.

— Да, — неторопливо подводил к кульминации Сергей Сергеевич, — и вышла замуж за Илью.

— За Илью Федина? — не веря своим ушам, переспросил Иван Ильич.

Сергей Сергеевич был доволен произведенным эффектом.

— Да, да, Федина, — ответил он.

Перед глазами Ивана Ильича встал образ Ильи Федина. Во времена их молодости он был как раз из разряда полумаргиналов. Красавцем его было нельзя назвать. Небольшого роста, сутулый, вечно небрежно выбрит, в джинсах с несколькими заплатами и, по обыкновению, с гитарой через плечо, он учился то ли на массовика-затейника, то ли на кого-то еще в этом же роде в никому не ведомом институте. О нем было мало что известно. Говорили, что его привел в компанию генеральский сын Никифоров. Но сам Никифоров отрицал этот факт. Жил Федин в коммунальной квартире у своей тетки. Откуда он родом, толком никто не знал. Его об этом, впрочем, никто и не спрашивал. Кроме всего прочего, он не был особенно вежлив. Реакция Федина на непонравившийся

вопрос могла оказаться малопредсказуемой. Дело запросто могло кончиться потасовкой. Иван Ильич, принимая Федина за инородное тело, откровенно недолго любил его.

Впрочем, Федин порой изрядно развлекал компанию своей игрой на гитаре и песнопением. Песни его были не лишены смысла. Но, похоже, на этом его сильные стороны заканчивались.

Самым парадоксальным образом, Федин демонстрировал удивительную настойчивость в своем старании завоевать Веронику. Он делал все, что мог. Но силы были явно неравны. Всерьез его никто не воспринимал. В то время никому и в голову не могло прийти, что когда-нибудь он станет мужем Вероники Никольской.

— Значит, он в конце концов добился своего,— задумчиво промолвил Иван Ильич.

— Да уж, — делая очередной глоток джин-тоника, рассуждал Сергей Сергеевич, — как говорят, терпение и труд все перетрут. Дело прошлое, но по количеству затраченного времени на обустройство загородного дома Никольских Федин был безусловным лидером. Что бы ни пожелала Маргарита Николаевна, — так звали мать Вероники, если ты еще помнишь, — Федин был тут как тут.

— Как сейчас помню, — поддержал тему Иван Ильич, — сидим в компании и слушаем песнопения Федина. Вероника, замечу, при этом ведет с кем-то оживленную беседу, слегка заглушая звуки гитары и голос исполнителя. Его же это ничуть не смущает, более того, Федин весь внимание, что там говорит Вероника. Как это ему удавалось? Играть, петь и слушать одновременно. Просто Цезарь какой-то! И вот Веро-

ника между делом так это себе спокойно, но достаточно громко говорит: «Ах! Душно как! И жажда замучила!» И что бы ты подумал? Этот тип, Федин, оказалось, действительно слышал, что говорит Вероника. А потому, не обращая внимания на слушателей, а ведь некоторым, между прочим, нравились его песнопения, он кладет гитару и открывает окно, не забывая при этом поднести Веронике стакан воды. «Спасибо, Илья», — между делом благодарит его Вероника, продолжая ранее начатую беседу с кем-то из других своих кавалеров. А Илья, исполнив свое основное предназначение, начинает опять играть и петь на радость слушателям.

— А я припоминаю другой эпизод, — развивал тему Сергей Сергеевич. — Вечеринка подходит к концу, все собираются. Вероника тоже уходит. «Илья, подай мне пальто», — томно говорит она. Фе-

дин, конечно, тут как тут, подает пальто. И в надежде, что он же, Федин, — при этих словах Сергей Сергеевич даже ухмыльнулся, — ее проводит до дому, говорит, как бы немного извиняясь: «Так я провожу тебя?» «Нет, нет, спасибо, *mon ange*¹, и с чувством благодарности Вероника нежно кладет свою руку на его, а потом добавляет: — меня проводит Румянцев». Появляется Румянцев и сердито смотрит на Федина, на руке которого все еще покоится рука Вероники. Федин, в который раз чувствуя себя в дураках, сердито смотрит на Румянцева. Вероника берет под руку Румянцева, и они удаляются. Театр, да и только!

— А что все же стало с Румянцевым? — поинтересовался Иван Ильич.

— Насколько я знаю, первые лет десять все было неплохо. Они по долгу его

¹ Мой ангел (*фр.*).

службы жили в разных странах. Но ведь это был конец восьмидесятых, начало девяностых! Страна менялась на глазах. И пока они там жили, менее перспективные люди стали зарабатывать в России огромные деньги. И то, что когда-то было престижно и материально привлекательно, неожиданно обесценилось на фоне роста реального благосостояния других. Потом в нем что-то как будто надломилось. Андрей потерял всякий интерес к работе, да и к жизни в целом.

— Жаль его, — проговорил Иван Ильич.

— Да, конечно, — без тени сожаления вторил ему Сергей Сергеевич, — но примечательно и то, что Федин все это время продолжал донимать Веронику своим не вполне уместным в данной ситуации вниманием. Она все-таки была замужем! Он звонил ей по праздникам. Несколько раз под разными предлогами, день рождения

или что-нибудь еще в этом роде, он заявлялся без звонка к ним домой с цветами, вызывая нескрываемое раздражение Румянцева. Они, как ты понимаешь, никогда не были особенными друзьями.

Правда, на Веронику знаки внимания Фебина долгие годы не производили особенного впечатления. Пожалуй, до той поры, пока окончательно не выяснилось, что материальное положение Румянцева и его, а следовательно, и ее, жизненные перспективы — сама она ведь никогда не работала — оставляют желать лучшего.

С Фебиным же за это время тоже произошли некоторые метаморфозы, причем, диаметрально противоположные по своей сути изменениям, постигшим Румянцева. В то время как будучи еще молодым специалистом Румянцев уже принимал участие в международных переговорах на правительственном уровне, Фебин, даже не мечтая о чем-либо

подобном, варил джинсы в кооперативе. Кооператив состоял из двух человек, самого Федина и его друга Вольского, которого, кстати, в двухтысячном году расстреляли из автомата на Старом Арбате. Но шли годы, и вскоре кооператив Федина превратился в цех, а потом и в целую фабрику. На Федина и его партнера работала уже не одна сотня человек. Заработанные деньги они предприимчиво вкладывали в другие направления, в частности скупали недвижимость по низким ценам кризиса девяносто восьмого года. И теперь уже Федин ведет международные переговоры, но уже не как наемный служащий, которого могут уволить хоть на следующий день, а как владелец своего предприятия.

— Забавно, забавно, — задумчиво молвил Иван Ильич.

— Так вот, лет пять назад, — продолжал свой рассказ Сергей Сергеевич, —

когда уже упомянутые метаморфозы с Румянцевым и Фединым подошли каждая к своему завершению, перед Вероникой «неожиданно для нее самой», как она это сама потом рассказывала, вдруг раскрылась вся «душевная глубина» Федина, его «искрометный ум, его способности». Внезапно она осознает, что могла быть по-настоящему счастлива только с ним.

— Кстати, к дуракам его и в юности никто не относил, — коротко отметил Иван Ильич.

— Примечательно, — продолжал Сергей Сергеевич, — что и Федин не утратил своих чувств к Веронике. Он по-прежнему был готов, даже в ущерб своему бизнесу, исполнять всяческие ее прихоти. Короче говоря, Вероника разводится с Румянцевым и выходит замуж за Федина. Две дочери Румянцева остаются с Вероникой. Говорят, они абсолютно счастли-

вы. Так что Федин, пусть и с большим запозданием, но взял свой «Первый приз». Помнишь, у нас было такое выражение в студенческие годы? — Сергей Сергеевич лукаво посмотрел на приятеля.

Иван Ильич живо вспомнил, что означало «взять приз» на их студенческом языке и с улыбкой добавил:

— В нашем случае это, правда, не означало официального оформления взаимоотношений...

— Ну да бог с ними, — перевел тему Сергей Сергеевич. — А почему бы тебе не навестить нас? Посмотришь на мой дом. Ведь ты у нас ни разу не был! Когда ты из Лондона назад?

— Завтра, — рассеянно отвечал Иван Ильич и, все еще размышляя о том, какие сюрпризы иногда преподносит жизнь, промолвил: — Воистину, жизнь интересна своими парадоксами. Хотя, парадокс ли это? Как ты думаешь, нравился ли кто-

нибудь Веронике по-настоящему? Была ли она когда-нибудь влюблена? Да и вообще, были ли у нее предпочтения, продиктованные внутренней склонностью к тому или иному молодому человеку?

— Не знаю, мой друг, не знаю, тебе видней. Я ведь никогда ею особенно не увлекался.

— Я думаю, — продолжал свои рассуждения Иван Ильич, — что есть тип девушек, то ли холодных, то ли безразличных, которые не имеют, да и не могут иметь ярко выраженных внутренних предпочтений в отношении противоположного пола. В этой связи им сложно делать выбор. Действительно, как его сделаешь, когда тебе, по большому счету, все равно? Тогда в отсутствие внутренних причин они прибегают к помощи внешних, как то: количество звонков по телефону, количество и качество букетов цветов, билеты в театр, на выставки.

В дело идут все счетные единицы. Все виды доказательства преданности хороши, даже такие порой абсурдные, как мамины советы.

— Может, и так, а может, ты просто досадуешь на то, что сам не произвел в свое время на Веронику должного впечатления? — Сергей Сергеевич с улыбкой посмотрел на своего старого знакомого.

— Возможно, и так, — так же задумчиво проговорил Иван Ильич.

— Так ты когда назад в Москву? — еще раз повторил вопрос Сергей Сергеевич: выпитое давало себя знать, и он не помнил ответ друга.

— Завтра.

— Завтра у нас среда, — зрачки Сергея Сергеевича, отражая процесс несложных вычислений, закатились под его густые брови, — сам я буду в Москве послезавтра: это четверг. Давай не бу-

дем откладывать, знаешь ли, откладывать неправильно. Бывает, отложишь что, а потом уже и нет возможности исполнить это. Поэтому приезжай к нам в субботу.

— Неплохая идея, — с готовностью отозвался Иван Ильич.

— Ты с Татьяной? — так звали жену Ивана Ильича.

— Нет, она в командировке до конца года.

— Я думаю, нам это не повредит, — Сергей Сергеевич допил третий бокал джин-тоника.

— Нисколько.

— Ну вот и славно. Тогда жду тебя с утра. Искупаемся. Походим под парусом. У нас там яхт-клуб.

Ранним субботним утром Иван Ильич за рулем своего большого престижного авто катил по дороге к своему другу и думал над парадоксами жизни.

Ему всегда казалось бесперспективным пытаться добиваться женской благосклонности. Подобного рода победы в сознании Ивана Ильича были сродни принуждению. Он же всегда полагал, что нахождение двух людей противоположного пола вместе, сколько бы времени им ни было отпущено, должно являться следствием их обоюдного желания быть друг с другом. Только тогда каждый из них будет получать удовольствие.

Сам он никогда не был влюблен в ту, которой был бы не по душе. В отсутствие встречного импульса порой зарождавшееся в его душе чувство обычно тут же угасало. Ему всегда казались странными подобного рода неразделенные чувства других.

Но потом Иван Ильич подумал, к чему в конце концов привели его эти убеждения. Если, конечно, допустить,

что жизненный путь является следствием убеждений человека. Его уже третий по счету брак вот-вот должен был потерпеть фиаско. А вот Федин добился своего. Он и Вероника теперь счастливы.

«Может быть, сам он из боязни быть отвергнутым, показаться нелепым и смешным, — думал теперь о себе Иван Ильич, — просто подавлял в себе свои истинные желания к тем женщинам, которые ему нравились, но которые оставались безразличны к нему самому? И может быть, эта его глубоко скрытая под маской легкого цинизма боязнь распространялась не только на противоположный пол, но и на остальные аспекты его жизни? Сколько раз он под разными предложениями отказывался от появляющихся на его пути деловых возможностей, лишая себя тем самым больших пер-

спектив? Может быть, дерзай он, борись, а не стой в стороне, и сейчас не приходилось бы ему думать о решении утомительных материальных вопросов, висевших над ним дамокловым мечом. А может, все наоборот, и не было никаких таких перспектив, а те, что были, оказались бы в конце концов ловушками? Прими он их, и его бы расстреляли из автомата, как партнера Федина Вольского?»

Но вот, наконец, и шлагбаум поселка яхт-клуба. На въезде Ивану Ильичу предупредительный сотрудник охраны вежливо объяснил, как лучше проехать дальше. Два, три поворота, и показался окруженный гладко подстриженным газоном элегантный дом Сергея Сергеевича. Живая изгородь отделяла его небольшое владение от других ему подобных. А вот и сам Сергей Сергеевич с женой Тамарой,

которую Иван Ильич не видел лет десять. После длинных приветствий мужчины решили пройтись перед обедом на пристань и пляж, находившиеся в небольшом от нее отдалении.

Удобно устроившись в креслах уютного бара с видом на водную гладь водохранилища, друзья неспешно беседовали о пустяках. Было начало июня. Из-за отсутствия ветра сорвалось обещанное хождение под парусом. Для купания вода еще недостаточно прогрелась. И друзья просто с удовольствием нежились под умеренным солнцем средней полосы.

— Иван, — раздался приятный женский голос, — вот уж кого не ожидала увидеть!

Иван Ильич повернул голову. Рядом с ним стояла Вероника собственной персоной, а с ней и изрядно раздобревшая Маргарита Николаевна.

Вероника действительно великолепно выглядела. Она переводила свой томный взгляд с одного мужчины на другого.

— Что же ты, Сергей, не предупредил, кто к тебе в гости едет?

— Так то ж сюрприз, я ведь на них мастер, как ты знаешь, — отвечал Сергей Сергеевич, смеясь. Он не любил даже шуточных замечаний в свой адрес.

Иван Ильич встал и со словами «Великолепно выглядишь!» запечатлел легкий поцелуй на щеке Вероники, поймав при этом ее заинтересованный взгляд. После он легко кивнул в адрес Маргариты Николаевны.

Тут же подошли две дочери Вероники.

— Какие славные девочки, — сказал Иван Ильич, — как вас зовут?

— Марина и Мария, — ответили аккуратные девочки и, испросив разреше-

ние у мамы, убежали по своим детским делам.

— Для детей здесь просто рай: огромная охраняемая территория, великолепная инфраструктура, теннисные корты, детские площадки, — заметил Сергей Сергеевич.

— А мы, как обычно, не ценим того, что имеем, — сказала Вероника, — завтра с мамой и девочками едем в Ниццу на два месяца, а потом заедем в милое моему сердцу Сан Мало.

— А Илья? — спросил Сергей Сергеевич.

— Ему надо работать, — ответила Маргарита Николаевна, а потом обратилась к Веронике:

— Ты не помнишь, какого числа к нам присоединится Вилен Антонович? — так звали отца Вероники, заслуженного пенсионера Советского Союза.

— Он говорил, в двадцатых числах, мама.

— Иван, налей, пожалуйста, мне кофе, — обратилась Маргарита Николаевна к Ивану Ильичу, а сама при этом начала рассказ об их прошлогоднем посещении Ниццы, какая там была погода и как сервис портится с годами.

«С какой стати, — с раздражением думал Иван Ильич, наливая кофе, — эта старая, малознакомая и совершенно бесполезная тетка обращается ко мне на “ты”?»»

— А по мне, так лето нужно проводить в Подмосковье, — окидывая удовлетворенным взором великолепный вид, расстилающийся перед ними, промолвил Иван Ильич. — Скоро вода прогреется, и можно будет купаться.

Вероника посмотрела на свою маму, а мама посмотрела на Верони-

ку. Они всегда прекрасно понимали друг друга. Сейчас их взгляды говорили: «Какой странный. Может, он просто нигде не был, кроме Подмосковья?»

После возникшей паузы Вероника сказала:

— Нет, нет. Купаться здесь? В этой воде? Я могу купаться только в море.

— А где Илья? — спросил Сергей Сергеевич.

— С утра он зачем-то ездил на работу, — в тоне Вероники читалось полное отсутствие интереса к затронутой теме.

— Да вот же он, — Маргарита Николаевна указала пальцем на приближающуюся сутулую фигуру Федина. — Ты бы, Вероника, сказала ему, чтобы он не сутулился, неудобно, право.

Подошел Федин.

— Добрый день, Маргарита Никола-

евна, добрый день, Вероника. — Потом, глядя на Ивана Ильича, Федин радостно сказал: — Сколько лет, сколько зим, Иван! — И они неожиданно друг для друга обнялись.

— Илья, ты не подвинешь тент, прямое солнце вредно в моем возрасте, — обратилась к Федину Маргарита Николаевна.

— Конечно, Маргарита Николаевна.

Подвинув тент, Федин сел за стол. Мужчины начали неторопливую беседу о делах. В какой-то момент Илья без ложной фальши говорил о том, что конкуренция растет с каждым днем, доходность падает, приходится очень много работать, чтобы держаться на плаву. Кое в чем приходится себе даже отказывать.

Иван Ильич посмотрел на что-то важно вещающую про предстоящее пребывание в Ницце и Сан Мало Маргариту Николаевну, на Веронику, любующуюся

играющими на детской площадке дочерьми. У него не складывалось впечатление, чтобы они себе в чем-то отказывали.

— Хочется холодного лимонада, — сказала Вероника официанту.

— Прошу прощения, у нас лимонада нет, — с достоинством ответил официант.

— Какой ужас, — неторопливо произнесла Вероника.

— У нас есть лимонад дома в холодильнике, — с расстановкой сказала Маргарита Николаевна.

— Илья, мой дорогой, ты не сходишь? — обратила Вероника свой томный взор на Федина, — Я просто умираю от жажды!

— Может, попросим сходить девочек? — робко спросил Илья.

— Ну что ты, mon ange¹, смотри, как они хорошо играют, — и Вероника с

¹ Mon ange — мой ангел (*фр.*).

умилением посмотрела на играющих невдалеке дочерей.

— Конечно, дорогая, — отвечал Федин.

— «И тот послушно в путь потек...»¹, — глядя на удаляющуюся сутулую спину Федина, подумал Иван Ильич.

— И что это вы там все говорите о делах, — с чувством утомления в голосе продолжила Вероника, — нам это скучно. Я слышала, кто-то из вас будто бы играл в гольф?

— Это верно, — живо отреагировал Сергей Сергеевич, — Иван Ильич — большой мастер в этом деле.

— Ну, это было бы преувеличением. Так, слегка играю время от времени.

— Я так хотела бы научиться играть в гольф, — говорила Вероника, — до сих пор помню слова своего тренера: «Птицы, летят. Птицы, летят». Сло-

¹ Стихотворение А. С. Пушкина «Анчар».

во «птицы» — соответствует замаху клюшки, слово «летят» — клюшка грациозно опускается. Но у меня была проблема, никогда не могла запустить мяч дальше пятидесяти метров. У меня так мало сил! Посмотрите на мои руки. — И Вероника вытянула на обозрение свои красивые руки.

— Это просто отсутствие должной тренировки. Сила в гольфе не нужна, — глядя на красивые руки Вероники, пояснил Иван Ильич.

— Если бы еще было с кем играть! Одной, знаете ли, как-то скучно. Раз ты такой профессионал в этом деле, Иван, не мог бы ты меня как-нибудь взять с собой в гольф-клуб?

— Почту за честь, — отвечал Иван Ильич. И тут же на всякий случай осведомился, не играет ли в гольф Илья.

— Ах, нет, он такой скучный, — от-

ветила за Веронику Маргарита Николаевна.

Не прошло и пятнадцати минут, как Илья уже стоял перед компанией с лимонадом и полотенцем через плечо.

— Неужели ты опять собрался лезть в эту воду? Ведь всего шестнадцать градусов, не больше. Никто же не купается. Посмотри, — с легко читаемым утомлением затеей мужа проговорила Вероника.

— Но я люблю купаться в холодной воде, — спокойно сказал Федин.

Через некоторое время они уже видели его рассекающим холодную гладь. Он красиво плыл профессиональным брассом, и на него было приятно смотреть.

— О чем он думает? — с раздражением сказала Маргарита Николаевна.

на, — ведь так можно и простудиться.
Позер.

«Заболеть и умереть, — мысленно продолжил линию мысли Маргариты Николаевны Иван Ильич, — а на что же мы все, я, мой муж, моя дочь, мои внуки, тогда будем жить?»

— Он сейчас думает, что мы на него смотрим, — сказала проницательная Вероника о плывущем в холодной воде муже, — однако нам пора. Иван, ты проводишь нас с мамой?

С Вероникой Иван Ильич, пожалуй, прогулялся бы, но от перспективы прогулки в обществе Маргариты Николаевны ему сделалось буквально нехорошо. К тому же ему было странным образом досадно, что они, по всей видимости, не собирались подождать Федина, человека, своим ежедневным трудом обеспечивающего им всем беззаботное существова-

ние. А потому он ответил: «Спасибо, я хотел бы еще перекинуться парой слов с Ильей».

Вероника неодобрительно посмотрела на Ивана и хотела уже встать, но Маргарита Николаевна, видимо, не одобрявшая прогулок без провожатых, — мало ли что им может понадобиться в пути, — удержала ее:

— Подождем еще немного, мой друг, тут так великолепно.

Подошел Илья.

— Смотри, мама, он весь мокрый, — сказала Вероника, показывая на Федина пальцем.

— Он может простудиться, — отвечала Маргарита Николаевна, — ему надо срочно вытереться.

Для Ивана Ильича было удивительно, что, несмотря на присутствие Федина, его семья почему-то не называла его по имени, а упоминала его в третьем лице.

«Наверное, так принято в «высшем свете»», — с ухмылкой подумал Иван Ильич.

— Чему ты все время ухмыляешься, Иван? — спросила Вероника.

— Это нервное, — отшутился Иван Ильич.

Наступало обеденное время. Идя по тенистым тропинкам территории поселка, Иван опять разговорился с Ильей о работе. В отличие от студенческих лет, Иван Ильич теперь чувствовал симпатию к этому человеку, сумевшему многого добиться своим трудом. Кроме того, у них могли быть общие интересы в некоторой области, и они решили еще минут десять поговорить и присели на скамейку.

— Илья, тебе надо идти, — сказала Вероника Федину.

«Непонятно, куда так срочно надо идти человеку в субботний день, кото-

рый к тому же недавно вернулся с работы?» — подумал Иван Ильич.

— Я вас догоню, — отвечал Федин Веронике.

Они остались сидеть на скамейке, но не прошло и двух минут, как раздался звонок мобильного телефона. Илья взял трубку.

— Да...

....

— Да, Вероника...

....

— Через пять минут буду...

....

— Что здесь такого?

...

— Не понимаю.

...

— Раньше понимал?

...

— Ну не расстраивайся, я уже иду.

Федин закрыл мобильный телефон со словами:

— Извини, я перезвоню тебе на работу, а сейчас мне действительно надо идти.

Так толком и не поговорив, они попрощались. Иван Ильич пожал плечами и, думая о парадоксах жизни, пошел к Сергею Сергеевичу обедать.

Январь 2006

СЫН СВОЕГО ОТЦА

*«There is only one success...
to be able to spend your life in
your own way»¹*

Christopher Morley

— И вы представляете, он метался по квартире, вздымал руки к потолку и кричал: «Я тебя изувечу!» — рассказывал один из молодых людей на студенческой вечеринке.

— Натуральный тиран. Это здорово! — комментировал другой студент по фамилии Петин.

— Не может быть! — Какая-то девушка приложила руку к открытому от удивления рту.

¹ «Бывает лишь один успех — жить так, как считаешь нужным» (англ.)

— И все это из-за того, что ты не едешь с ним на дачу? — спрашивал третий, открывая очередную бутылку пива.

— Ну да! Представляешь! — говорил хозяин квартиры, у которого проходила вечеринка, протягивая пустой стакан. Пиво с ласкающим душу шипением наполнило протянутую емкость, которая была им немедленно осушена, как будто Евгения Сухова — так звали хозяина большой квартиры в центре Москвы — мучила нестерпимая жажда.

— Отцу почему-то кажется, что если я его сын, то должен любить все то, что любит он, — все больше распалялся обычно сдержанный Евгений, — должен ненавидеть, что ненавидит он. Но что, я вас спрашиваю, хорошего проводить все свободное время на этой абсолютно никчемной даче? Ковыряться в огороде? Или, что еще хуже, занимать-

ся бесконечными столярными работами по дому? А ведь отец не всегда был таким! Когда-то он возглавлял лабораторию в одном из научных институтов. Но потом бросил все и отправился строить дом своими руками.

— Но, может быть, отцу просто нужна твоя помощь? Ты ее окажешь, и дело с концом, — поинтересовался кто-то из гостей.

— Ничего подобного, — пояснил Евгений, — работы связанные с загородным домом, сами по себе бесконечны. Там всегда найдется, чем заняться, особенно если есть такое желание. На прошлой неделе прохудилась крыша, сегодня покосился забор, а завтра выяснится, что необходимо подлатать сарай! Но даже тогда, когда, казалось бы, все сделано, отца обуревают планы по строительству новых помещений на участке, будь то отдельно стоящая баня или гараж.

— Но у вас же нет машины?

— И я так говорю. Но отец найдет, что ответить. Скажет, например, что когда-нибудь я куплю машину, стало быть, ей понадобится гараж!

— Видимо, это дело желания, — сказал Вадим Юрский.

— Именно, но у меня-то желания совсем другие! — пояснял двадцатилетний Сухов Евгений. — Мне нравится проводить время с друзьями, как сейчас. — И он окинул беззаботным взглядом своих многочисленных гостей.

— А что ты еще любишь? — спросила Евгения одна из девушек, по имени Яна, явно не случайно оказавшаяся ближе всех к Сухову.

— Я люблю кататься на горных лыжах, — отвечал Евгений, доверительно глядя на Яну. Теперь он разговаривал уже с ней одной. В следующую минуту они уже танцевали медленный танец,

и Евгений продолжал нашептывать в нежное ушко Яны перспективы своей будущей жизни. Из этого рассказа получилось, что он будет работать много, получать еще больше. Местом приложения его сил станет престижная и большая корпорация, которую он будет ежедневно посещать, одетый в безупречно белую рубашку и элегантный костюм. Вполне естественно, галстук станет неизменным атрибутом его жизни.

— Ведь что такое галстук, — пояснял Евгений Яне, — это не просто элемент гардероба. Нет! Это символ принадлежности к определенной касте людей умственного труда! Как когда-то бояре на древней Руси носили длинные рукава, в которых даже при желании нельзя было заниматься физическим трудом, так и галстук в наше время подчеркивает, к какому кругу принадлежит че-

ловек. Право, сложно представить себе человека в галстукe, оруduющего при этом пилой или долотом, — с мечтательной улыбкой на устах рассуждал Евгений и думал при этом: «уж тогда-то отец точно не сможет заставить меня возиться на этой чертовой даче!»

Потом Евгений поведал Яне о том, что он планирует ездить отдыхать за границу на лучшие горнолыжные курорты, и о том, что вся-то его жизнь будет элитарна.

Яне понравились перспективы рафинированной жизни, и вскоре они поженились.

Через десять лет Вадим Юрский и Петр Петин встретились в одном из московских ресторанов чтобы, совмещая приятное с полезным, обсудить накопившиеся деловые вопросы. Закончив с делом, они перешли к воспоминаниям дней юности.

— Кстати, — поинтересовался Петр, — как там поживает Сухов? Ты же с ним, если я не ошибаюсь, поддерживаешь отношения?

— Да, это так.

— Когда ты его последний раз видел?

— Виделись мы с ним не далее как месяц назад. Он учил меня кататься на горных лыжах в «Марибеле».

— Не самое плохое место. Мне всегда нравилась Франция. К тому же четыреста километров соединенных между собой трасс.

— Шестьсот, — поправил его Вадим. — Я ему теперь обязан. Конечно, я катался до этого пару сезонов, но он за какую-то неделю здорово поднял мой уровень.

— Естественно, он же катается с юности.

— Да, он всегда любил горные лыжи.

— Так у него все в порядке? Где он работает, или у него свой бизнес?

— Он работает в..., — и Вадим назвал солидную большую фирму, — занимает приличную должность — заместитель начальника структурного подразделения. Работать, правда, приходится много. Но ведь это то, чего он хотел. Купил квартиру и уже расплатился по ипотеке. Он по-прежнему женат на Яне. Дочери пять лет. Ездил с нами в «Марибель».

— То есть все, как он хотел?

— Я думаю, да.

Вскоре старые знакомые расстались.

Лет через пять после той встречи Вадим Юрский с Евгением Суховым, осваивая новые трассы очередного горнолыжного курорта, решили сделать небольшой перерыв в катании и ненадолго остановились в симпатичном ресторанчике, находившемся на одной из горных вершин. Они расстегнули тяжелые горнолыжные ботинки и,

держа по бокалу вина, подставили лица альпийскому солнцу.

— Как у тебя дела на новой работе? — поинтересовался Вадим.

— Ты знаешь, не очень. Наверное, буду уходить.

— А в чем дело?

— Видишь ли, я вижу... — и Евгений изложил суть проблемы, возникшей у него на службе, которая, как это понял Вадим, заключалась в различных подходах к структурированию компании. Евгений полагал, что необходимо решать вопрос на уровне всей компании и одновременно, в то время как его руководство считало, что внедрять изменения надо постепенно и поначалу на примере одного из подразделений.

— А ты уже знаешь место своей новой работы?

— Нет.

— У тебя есть предложения?

— Пока нет, но что-нибудь придумаю.

— А с этой работы тебя ведь пока не гонят?

— Нет, если я не буду настаивать на своем.

— Так, может быть, лучше подождать с решениями, пока не определишься с местом новой работы?

— Не знаю, не знаю. Неприятно делать то, что считаешь неправильным, — отвечал Евгений, демонстрируя не свойственное ему упрямство.

— Это, конечно, так, но, знаешь ли, не ты хозяин компании. В конце концов тебе платят деньги за исполнение определенных задач. И я подозреваю, что в их перечень не входит занятие принципиальных позиций при разногласиях с собственниками компании, — как можно мягче пытался говорить Вадим, который, зная своего друга как человека

исключительно мягкого, был удивлен услышанной историей о занятии им жесткой позиции по рабочему вопросу.

— Возможно, ты и прав, — отвечал Евгений. — Но сейчас я хотел с тобой обсудить вот какой вопрос. Недавно я купил участок земли по Дмитровскому направлению и уже начал строить дом. Есть свободные участки рядом. Не желаешь присоединиться?

— Что я слышу? — удивленно поднял брови Вадим. — Ты же, сколько я тебя знаю, всегда ненавидел строительство дома, приусадебные работы и все подобное. Или у тебя появилось такое количество денег, что ты сможешь все это перепоручить другим и строить под ключ?

— Да нет, денег у меня не так много, ты же знаешь. Найму, конечно, рабочих. Но ты прав, придется попотеть и самому. Но тут дело вот в чем, — пояс-

нял Сухов, — я строю дом недалеко от подмосковных горнолыжных трасс по Дмитровскому шоссе. Как приятно будет греть ноги у камина после того, как откатался целый день!

Вадим никогда не понимал радости спуска по маломерным подмосковным трассам. В равной степени он был далек от любого физического труда. Его немногочисленные попытки в детстве что-либо сделать своими руками заканчивались фиаско. Поэтому в данном случае он вряд ли мог понять Сухова и, с подозрением посмотрев на него, сказал: — Ты же знаешь, что я не катаюсь в Подмосковье, а от строительства я совсем далек.

— Ну, как хочешь, — отвечал Сухов, — начнем спуск, а то вечереет уже, можем опоздать на подъемник.

Вадим посмотрел на клонящееся к закату солнце и подумал о том, что от

гостиницы их отделяло километров десять спуска, несколько подъемников и один горный перевал, на подъемник которого надо было успеть до его закрытия.

«Вот это я понимаю, катание, — думал Вадим, — покрываешь огромные расстояния. А что в Подмоскowie? Не успел съехать, как нужно снова стоять в очереди на подъемник. Чепуха какая-то получается. Воистину всему свое место. В Подмоскowie надо кататься на беговых лыжах. И это там действительно здорово».

Он потянулся. Вино давало себя знать. Вставать не хотелось. Однако было действительно пора.

В следующий раз они встретились с Суховым на одном из многочисленных деловых приемов через несколько месяцев.

— Как дела, Евгений? — Вадим был рад встретить старого друга.

— Все ничего, строю дом, — радостно отвечал Сухов. — Как у тебя?

— Без изменений.

Вадим был удивлен, заметив, что обычно затянутый тугим узлом галстук Евгения оказался на этот раз изрядно расслаблен.

— Меняешь имидж? — улыбнулся Вадим.

— А, это? — Евгений потрогал расслабленный узел своего галстука. — Надоела эта удавка! Никаких сил больше нет. Но ведь надо носить! Никуда не денешься. Корпоративный стиль! — И он презрительно фыркнул. — А многие ли знают, почему?

— И почему же?

— Символ ошейника! Дисциплина и послушание!

— Интересно, интересно, — улыбнулся Вадим и спросил: — Лучше расскажи, как у тебя на работе?

— Да все то же, — лицо Евгения приобрело усталый оттенок, — надо уволь-

няться. Не идут навстречу. Уперлись, и все тут.

— Кто уперся, хозяева? — с юмором проговорил Вадим.

— Ну да.

— Понятно, — сказал Вадим, — новое место работы подыскал?

— Пока нет, не до этого. Знаешь, строительство отнимает столько сил! — при этих словах глаза Евгения заиграли радостным светом. — Приезжайте как-нибудь к нам через годик другой!

— С удовольствием, — отвечал Вадим, — выпьем по бокалу у камелька.

Года через три, в один из погожих августовских дней, Вадим с женой Ириной приехали навестить своих друзей Евгения и Яну и посмотреть на их новый дом. Было видно, что дом сделан с любовью. Просторный участок, прилегающий к нему, был огорожен массивным забором.

Евгений встречал их при въезде в ворота. Он был по пояс обнажен. В его руке был зажат рубанок с остатками свежей древесной стружки. На устах его играла счастливая улыбка.

— Очень рад вас видеть, — приветствовал их хозяин, вытирая крупные капли пота с загорелого лба. — Как добрались?

— Все в порядке. Без проблем.

— Проходите, и начнем осмотр дома.

Дом оказался небольшим, но уютным и удобным. С увитого цветами балкона второго этажа открывался чудесный вид на окрестности.

Потом приехала еще одна пара — Игорь и Вера. Все друг друга хорошо знали и поэтому чувствовали себя раскованно. Евгений с увлечением рассказывал о своих дальнейших планах строительства.

— Дом, как вы видите, практически закончен, но осталось еще много работы. Надо достроить гараж, — и Евгений указал на отдельное массивное строение, около которого копошились двое рабочих. — Одновременно я занимаюсь облагораживанием участка. Ну, а потом собираюсь приступить к строительству бани. Вон там, я думаю, — и Евгений указал туда, где, по его мнению, должна располагаться баня. — А как здесь будет зимой... — и Евгений в предвкушении удовольствия закатил глаза к потолку. — Вот только бы денег побольше! И все было бы прекрасно.

— Кстати о деньгах. А как у тебя с работой? Ты, если мне не изменяет память, не работаешь уже как два года. — поинтересовался Вадим.

— Ищу, ищу, — без особенного интереса к поднятой теме отвечал Евгений.

— Есть предложения?

— Бывают, но все неподходящие. Приходится отказываться.

— Еще пару лет без работы, и тебе никто ничего не предложит!

— Да, да. Понимаю, — вздохнул Евгений.

— А какие предложения у тебя есть сейчас?

— Да есть пара, но в одном зарплата маловата, в другом — ...в общем, предлагают то, что я до этого никогда не делал.

— Ну и что? — вступил в разговор Игорь, — зарплата устраивает. Что тебе мешает попробовать? Чем ты рискуешь?

— Ну, не знаю, — упрямо сказал Евгений, — заниматься тем, чем не занимался до этого? А к тому же тут, — и он окинул взглядом дом, — так много работы. Кому это все оставишь?

Помолчав немного, он заговорил вновь:

— Вы знаете, есть такое выражение «горят руки». Вы не поверите, но это про меня.

— Что значит «горят руки»? — поинтересовалась Ирина.

— Это когда просыпаешься с утра, и тебе хочется работать руками. А когда ты знаешь, что будешь это делать прямо сейчас, то тебе становится хорошо. Конечно, мне помогают рабочие, но главное, что делаешь сам! — при этих словах Евгений мечтательно посмотрел на играющий в камине огонь, и в его глазах отразилась спокойная уверенность.

— Поедем этой зимой в Альпы? — перевел разговор на другую тему Вадим.

— Какие теперь Альпы, — отвечала Яна, — у нас на бензин скоро денег не будет!

— Ну, уж на бензин найдем! — немного сконфузившись, отвечал Евгений.

— Только откуда, интересно знать? — говорила Яна. — Пора мне выходить на работу.

Через год Вадим Юрский и Петр Петин опять встретились в ресторане, чтобы обсудить накопившиеся деловые вопросы. Когда основная повестка дня была исчерпана, они перешли к обсуждениям общих знакомых.

— Как там Сухов? — поинтересовался Петин, — я слышал, он оставил работу.

— Так и есть.

— Счастливый человек, накопил достаточно денег, — Петин мечтательно посмотрел вдаль.

— Боюсь, это не его случай, — отвечал Юрский. — Его накопления давно закончились.

— На что же они живут? — удивился Петин.

— Жена работает.

— Хорошее решение вопроса, — улыбнулся Петр, — надо бы попробовать внедрить такой сценарий и в нашей семье.

— Да, но специальность Яны, как и ее место работы, не предполагает больших заработков. Поэтому недавно они сдали свой загородный дом.

— Что ж, тоже неплохо. Жизнь рантье.

— Все равно, это совсем небольшие деньги. В Альпы на эти деньги не съездишь. Кроме того, для них это был очень тяжелый шаг. Евгений за последние годы вложил в строительство этого дома всю душу.

— Жаль его, — сказал Петр.

— Я бы так не сказал. По-моему, он вполне счастлив. Несчастливым он был в

последние годы, когда тянул ляжку опостылевшей ему чиновничьей службы.

— Чем же он занимается сейчас?

— Любимым делом. Стругает и пилит. Помогает отцу на его старой даче по хозяйству.

Июль 2006

Валентин Кузьмич

«Степень свободы всякого индивида прямо пропорциональна степени его безразличия к собственной судьбе...»

*Неизвестный мыслитель
двадцать первого века*

Под утро откуда-то из темноты появилось небритое лицо. Сергей Юрьевич присмотрелся к чертам человека. Они не были знакомы. Несмотря на это обстоятельство, человек довольно навязчиво посещал Сергея Юрьевича по ночам.

У человека был массивный подбородок, как будто говорящий, что обладатель его делает только то, что сам считает нужным, не считаясь при этом с мнением окружающих. Голубые, глу-

боко посаженные глаза, большой лоб. Прямой нос. Очень короткая стрижка. Он был небрит. Персонаж молча посмотрел на Сергея Юрьевича и фамильярно ухмыльнулся. «Бандит, да и только!» — опасливо подумал Сергей Юрьевич и проснулся.

Большой черный автомобиль плавно остановился перед входом в высокое новое здание из стекла и гранита. Солнечные лучи весело играли на его зеркальных поверхностях.

— Приехали, Сергей Юрьевич, — сказал водитель.

Сергей Юрьевич открыл глаза и сладко потянулся. Он, по обыкновению, проводил в полудреме утренний путь от своего загородного дома до места работы. Сергей Юрьевич пропадавал на работе с раннего утра и до позднего вечера и уже долгие годы испытывал хронический недостаток сна.

«Поспать бы еще», — подумал он, но затем сразу же отбросил эту мысль, как недостойную волевого человека, которым он себя считал.

Сергею Юрьевичу Образцову еще не исполнилось сорока лет, когда его назначили ответственным руководителем перспективного направления. Этот путь к карьерным вершинам не был простым. Были в нем свои взлеты и падения. Человек он был своенравный и порой несдержанный в общении с коллегами. В результате чего одни его недолюбливали, а другие побаивались. У него не было влиятельных родственников, которые могли бы способствовать продвижению по службе.

Образцову приходилось полагаться только на себя. Но многие годы назад он решил добиться своего и занять соответствующее положение в

жизни. И было похоже, что мечты его юности сбывались.

— Какой у нас сегодня график, Сергей Юрьевич? — поинтересовался водитель.

— Спроси у моего секретаря, — ответил Образцов, который считал нелепым держать в голове напряженное расписание своего дня. В конце концов для этого имелись специальные люди.

Он вышел из машины и целеустремленной походкой направился внутрь здания. На нем был строгий темный костюм, желтый галстук, белая накрахмаленная рубашка, золотые запонки и черные ботинки на шнурках. Образцов был аккуратно пострижен и гладко выбрит. От него исходил легкий запах хорошего одеколона. Всем своим видом Сергей Юрьевич производил впечатление образцового работника.

Его твердые шаги отдавались гул-

ким эхом в огромном фойе, искусно отделанным матовым мрамором. Фирма не скупилась на создание собственного имиджа. Каждый сюда пришедший чувствовал значимость этого места. Оно же придавало чувство уверенности ее работникам, сколь бы малую должность они ни занимали.

Гордо подняв голову, Образцов на какое-то время смешался с толпой себе подобных. Он пересек фойе и нажал кнопку одного из лифтов. Бесшумно распахнулись массивные двери, приоткрыв красное дерево и зеркала, составляющие их внутреннее убранство.

— Доброе утро, Сергей Юрьевич, — приветствовала его секретарша, широко улыбаясь профессиональной улыбкой.

— Доброе утро, Клавдия Петровна. Попросите ко мне зайти Тихонова, — сказал ей Образцов и скрылся за дверями своего нового кабинета. Тихонов был помощни-

ком Сергея Юрьевича, их связывали долгие годы совместной работы. В десять часов утра Сергей Юрьевич провел рабочее совещание, затянувшееся помимо его воли на целый час. В одиннадцать утра начались очередные переговоры, продлившиеся до двенадцати часов, и ему едва хватило времени, чтобы доехать до ресторана, в котором были назначены переговоры. В машине Сергей Юрьевич просматривал деловую почту. Он вернулся в свой кабинет без пяти шесть и попросил секретаршу приготовить ему чашку чая.

— Конечно, Сергей Юрьевич. Кстати, фирма «Н» задерживается и прибудет вместо шести в половине седьмого, — сказала по селекторной связи секретарша. — Ссылаются на автомобильные пробки.

— Да, да. А что делать? — С этой проблемой он был хорошо знаком.

Через две минуты подоспел чай. Был седьмой час. Сергей Юрьевич ощутил изрядную усталость. Если бы переговоры начались, как было запланировано, в шесть, то подумать об усталости у него не нашлось бы времени. Но сейчас Образцов был на какое-то время предоставлен сам себе. Он, конечно же, мог поработать с документами, но вместо этого он сидел и бесцельно смотрел в окно.

Был апрельский вечер. Люди возвращались с работы. На улице царила толкотня из машин и пешеходов. Большой город, не знавший покоя ни вечером, ни ночью, шумел как улей.

Взгляд Сергей Юрьевича переместился выше. Прямо напротив современного здания места его работы стоял неказистый старый дом грязно-желтого цвета, стиля конструктивизма тридцатых годов прошлого столетия, в худ-

ших его проявлениях. Дом был четырехэтажный. Весь покрытый трещинами. Перед домом был небольшой палисадник.

«Определенно, в доме деревянные перекрытия, — думал Образцов, глядя на дом. — Надо же, того и гляди развалится. А какие страшные трещины! И я думаю, что трещины эти не по штукатурке пошли, а по капитальным стенам».

На нескольких грязного вида балконах дома было развешано белье его обитателей. Балконы производили такое же ненадежное и тяжелое впечатление, как и весь дом. Они были сплошь заставлены какой-то старой рухлядью.

Образцов с интересом начал рассматривать их содержимое. На одном виднелись старые лыжные палки, но без лыж. На другом он заметил старые лыжи, которые были почему-то разной длины и определенно не были пригодны

для катания. А вот какие-то пластмассовые блоки, рейки, старое радио громадных размеров, доисторический сундук. К одному из балконов была приделана самодельная крыша, состоявшая из двух железных реек и неровного куска пластмассы.

«Интересно, кому вся эта дрянь нужна?» — подумал Сергей Юрьевич. Потом он опять посмотрел на ненадежную конструкцию балконов.

«Не ровен час, они отвалятся! — думал Сергей Юрьевич. — Ужас какой, жить в таком доме».

Между тем на одном из балконов четвертого этажа показался мужчина неопределенного возраста. Невзирая на свое крепкое телосложение, он, не чувствуя страха, облокотился на хлипкие перила постройки столетней давности, преспокойно достал сигарету и, чиркнув спичкой, закурил.

Внимание Сергей Юрьевича отвлекла сирена. Какой-то чиновник торопился по своим делам, пытаясь получить приоритет в плотном потоке автомобилей. Навстречу ему ехал такой же. Два автомобиля, снабженных «спецсигналами», уперлись друг в друга и выясняли, кто кому должен уступить дорогу.

«Жизнь кипит», — подумал Образцов, и взгляд его вновь вернулся к старому дому.

Находившийся на балконе дома мужчина неторопливо курил сигарету, безучастно взирая на происходящее под ним с высоты четвертого этажа. Одет он был в старую неопределенного цвета майку и синие «треники» с оттянутыми коленями. На его плечи была наброшена телогрейка. На ногах были тапочки.

Образцову показалось, что он уже неоднократно видел этого человека.

— Сергей Юрьевич, к Вам пришли. Фирма «Н», — раздался голос секретарши по селекторной связи.

— Я приму их в переговорной, — ответил Образцов, надел пиджак и вышел из кабинета.

Переговоры закончились через полтора часа. Выжатый как лимон Образцов зашел к себе в кабинет за портфелем. Перед тем как выйти из кабинета, он посмотрел на балкон старого дома. Уже стемнело, но ему показалось, что он различил мерцающий огонек сигареты.

— Надо же, все курит, — подумал Образцов и захлопнул за собой дверь. Ему было некогда раздумывать. Уже был десятый час вечера. Ему предстоял час с лишним дороги.

Когда он приехал домой, дети еще не спали. У него была многодетная семья: два пятилетних мальчика-близняшки и

дочь восьми лет. Мальчики все еще любили послушать сказку на ночь. Сергей Юрьевич приехал как раз вовремя, чтобы рассказать им ее. Когда дети окончательно затихли в своих спальнях, он отправился прогуляться с женой перед сном. Территория была не очень большая, но благоустроенная и хорошо охраняемая.

— Как у тебя дела на работе, Марина? — поинтересовался Сергей Юрьевич.

— Сумасшедший дом, — отвечала жена, которая занимала далеко не последнюю должность в крупной аудиторской фирме.

— Да. Да. Понимаю. Давай махнем куда-нибудь на пару недель? — спросил Сергей Юрьевич.

— Даже не знаю, получится ли сейчас, — отвечала Марина, — очень напряженно сейчас, много заказов.

— Детей на море в любом случае надо вывезти, а заказы подождут.

— Они летом так и так с бабушкой поедут, а заказы, ты же знаешь, ждать не будут. Просто их получают другие.

— Знаю, знаю, но иногда надо и отдохнуть.

— Я думаю, недельки через три можно будет, — подумав, ответила Марина.

— Ну и отлично, я заказываю гостиницу, — говорил Сергей Юрьевич,

— А куда мы поедем?

— Это будет сюрприз.

— Чудесно.

Сергей Юрьевич помолчал, посмотрел на звезды и вдруг сказал:

— Ты знаешь, я сегодня выглянул из окна часов в шесть вечера. Обычно в это время люди еще не успевают прийти с работы. А тут на балконе безмятежно стоит человек и просто курит.

— Ну и что? — спросила Марина.

— Да так, собственно говоря, ничего.

Пора было отправляться ко сну.

Следующие две недели Сергей Юрьевич провел в командировках, а потом погрузился в текущие дела.

Было утро, шли напряженные переговоры. В какой-то момент Сергей Юрьевич, обдумывая сказанное оппонентом, посмотрел в окно. Было у него такое обыкновение — брать паузу для раздумий и смотреть куда-нибудь в сторону. Взгляд его упал на старый желтый дом, на балконе которого стоял мужчина в накинутой телогрейке и курил.

«Ты смотри, опять курит. Все работают, а он курит», — пронеслось в мыслях Образцова. Потом он вернулся к окружающей его действительности. Через час переговоры закончились, и Сергей Юрьевич выехал на встречу в ресторан.

Ввиду производственной загруженности Образцов попал в свой кабинет только после полудня следующего дня.

— Клавдия Петровна, нельзя ли мне чашечку кофе, — попросил он секретаршу по селекторной связи и углубился в чтение документов.

Появился кофе, и Сергей Юрьевич, сделав пару глотков, расслабился и посмотрел в окно. Балкон дома напротив был пуст. Но балконная дверь была открыта.

«Май месяц, тепло, можно держать двери нараспашку», — подумал Сергей Юрьевич и снова вернулся к просмотру документов. Времени на прочтение материалов у него было явно недостаточно. Минут через десять он тем не менее опять посмотрел в окно.

«Так и есть! Стоит и курит, бездельник», — Сергей Юрьевич увидел то, что ожидал. Человек на балконе, одетый в

синие «треники» с вытянутыми коленями и майку неопределенного цвета, беззаботно курил. Образцов уже многие годы был окружен людьми волевыми, стремящимися к успеху. И он, и его жена всеми силами пытались продвинуться по карьерной лестнице, заработать больше денег. При этом, конечно, им приходилось работать локтями, иногда не досыпать. Сейчас перед ними наконец-то появилась перспектива открытия своего серьезного бизнеса. Вместе с женой они старались дать детям хорошее воспитание, создать дома уют. Это была напряженная, но и плодотворная жизнь. Так его воспитали родители, так они воспитывали своих детей. У их друзей тоже были схожие чаяния и надежды. И эти стремления предопределяли, как казалось Образцову, характер их каждодневной жизни. Сложно

было представить кого-нибудь из них целыми днями расслабляющимся на балконе с сигареткой в зубах. Но этот тип являл собой им полную противоположность.

«И хоть бы что ему! Когда не выглянешь из окна, он все курит. А на что же он живет? — думал Образцов. — Ну да черт с ним». И он опять торопливо сосредоточился на чтении документов.

На следующий день Образцов с семьей отправился в отпуск на Корфу. Из-за недостатка времени сюрприза не получилось. Во избежание неприятных неожиданностей он заказал хорошо знакомую им гостиницу. Но они любили этот остров. Без излишнего пафоса, однако и без чрезмерной примитивности турецкого отдыха, где все поставлено на поток. Образцовы провели на отдыхе десять великолепных дней.

В самую последнюю ночь Сергею Юрьевичу во сне снова привиделся мужчина с тяжелым подбородком, большим лбом и голубыми, глубоко посаженными глазами. Он, по обыкновению, был не брит.

Мужчина долго смотрел на Образцова, а потом погрозил ему пальцем:

— Что же ты, Сергей Юрьевич, не работаешь? — спросил мужчина, и Образцов проснулся.

Загорелый и полный сил Образцов вернулся к работе через десять дней. Как это обычно и бывает, за время его отсутствия накопилась масса дел, требующих его немедленного участия.

«А ведь этот тип был прав, надо было выйти на работу пораньше», — неожиданно для себя подумал Образцов о словах человека из его снов. Потом он выглянул в окно. На балконе дома напротив стоял человек в трениках и, по

своему обыкновению, курил. Ему определено никуда не было надо. Тут Сергею Юрьевичу неожиданно в голову пришла странная мысль.

Образцов ненавидел искать вещи. Тем не менее на следующий день перед работой он заехал на московскую квартиру и, потратив на поиски изрядное количество времени, все же нашел заветный бинокль, подарок немецкой фирмы.

«Вот он», — Сергей Юрьевич извлек его из черного кожаного чехла и любовно погладил ребристую темную поверхность.

Придя в свой кабинет, Образцов первым делом устремился к окну. Балкон дома напротив был пуст. Но человек в трениках не заставил себя долго ждать и появился на балконе уже через несколько минут. Образцов расчехлил бинокль и припал к

линзам. Немецкая оптика совершила чудо, и лицо человека в доме напротив оказалось на расстоянии вытянутой руки. У него был большой лоб. Голубые, глубоко посаженные глаза. Прямой нос правильной формы. Массивный подбородок. Очень короткая стрижка.

«Так и есть, — подтвердил свою догадку Образцов, — персонаж на балконе тождественен персонажу из моего сна. Вот это номер!»

— Сергей Юрьевич, Вам пора выезжать на заседание Ассоциации «К», — раздался голос секретарши по селекторной связи.

— На заседание, так на заседание, — сказал себе Сергей Юрьевич и отложил бинокль в сторону.

Под утро опять появилось лицо, хотя и заочно, но уже хорошо известного Сергею Юрьевичу персонажа. Он

поначалу долго смотрел на Образцова, а потом сказал:

— Ты же такой решительный человек, Юрич. Что же ты, право? — Сергею Юрьевичу стало почему-то неловко, и он, подумав: «А что же я, действительно?» — проснулся.

С утра, придя в свой кабинет, Образцов поинтересовался у секретарши о своих планах на обеденное время.

— У Вас, Сергей Юрьевич, деловой ланч с фирмой «С».

— Отмените, пожалуйста.

— Совсем?

— Нет, конечно, согласуйте с ними время на следующей неделе.

— Хорошо, Сергей Юрьевич.

Около двенадцати часов пополудни Образцов, удостоверившись, что знакомый ему персонаж курит на балконе, покинул свой кабинет и направился к дому напротив.

У дома оказалось два подъезда, одинаково отвратительного вида. Образцов быстро сориентировался, в какой подъезд ему надо. Дверь подъезда была распахнута настежь. Образцов шагнул через порог, и в нос ему ударил неприятный запах прокисшей капусты. Какое-то время он постоял на месте, чтобы глаза после дневного света могли привыкнуть к окружившему его полумраку.

«Однако, пакостное местечко», — отметил про себя Сергей Юрьевич и начал решительно подниматься на четвертый этаж. Там он обнаружил четыре квартиры. Немного поразмышляв, он нажал на звонок одной из них. Никакого звука не последовало.

«Понятно, звонок сломан», — решил Образцов и постучал в дверь. Никто не ответил.

«Неужели я ошибся в расчете расположения квартиры, или он куда-нибудь

ушел?» — и Образцов постучал еще раз, но уже гораздо сильнее.

Эффект оказался самый неожиданный. Открылась соседняя дверь, и из нее высунулась голова бабки в платке, как если бы на улице стоял октябрь месяц, а не июльская жара.

— Ты к кому? — подозрительно спросила бабка трескучим голосом.

Образцов не знал, что ответить, но после короткого раздумья он неопределенно ткнул пальцем в дверь.

— Ну, так стучи сильнее, у него звонок не работает, — проямлила бабка и захлопнула дверь.

Образцов стал стучать еще сильнее. Ситуация становилась немного абсурдной, он буквально ломился в дверь неизвестного ему человека. В конце концов, дверь открылась, и на пороге, заклонив весь дверной проем, появился его заочный знакомый.

«Детина какой», — отметил Образцов, который и сам был немаленького роста, но когда встречал людей роста не меньшего, чувствовал себя почему-то неуютно.

— Ну, и чего ты ломишься в открытую дверь? — поинтересовался детина. — Не видишь надпись, что ли?

Образцов присмотрелся и увидел нацарапанную прямо на самой двери надпись «Не заперто».

Ему никогда не нравилось, когда незнакомые люди обращались к нему на «ты». Обычно он немедленно указывал им на это, требуя более вежливого обращения. Однако сейчас был не тот случай, и Образцов, оставив свои правила до лучших времен, сразу перешел к делу.

— Меня зовут Сергей Юрьевич. Я работаю напротив.

— А-а-а, ну тогда проходи, — про-

мычал персонаж, как будто бы сказанное Образцовым могло служить объяснением причин его визита.

Сергей Юрьевич прошел в темный коридор, который, вопреки его ожиданиям, не был заставлен всякой ненужной мебелью. Тут только стояла вешалка да платяной шкаф. Они прошли в единственную комнату, служившую хозяину помещения и спальней, и кухней, и столовой. В одном углу разместились газовая плита, рукомойник и холодильник образца советского периода, в противоположном углу стояла широкая диван-кровать, а посередине комнаты находился деревянный стол с четырьмя стульями. По периметру комнаты в полном беспорядке были разложены стопки книг. Потолок был испещрен трещинами и подтеками разной величины. Под потолком красовалась

нелепая люстра. Стены были обклеены обоями тридцатилетней давности с давно стершимся рисунком.

Видя некоторую нерешительность Образцова, персонаж добродушно ухмыльнулся и сказал:

— Да ты, Юрич, садись, садись.

Начиная привыкать к фамильярности хозяина дома, Сергей Юрьевич сел на стул.

Сам хозяин помещения тем временем неторопливо подошел к холодильнику и извлек оттуда початую бутылку водки и два огурца. Взял две стопки, краюху черного хлеба и деловито разместил все это на столе. Затем он, не поинтересовавшись мнением Сергея Юрьевича, разлил водку по стопкам, которые сразу же запотели, и сказал:

— Ну, давай.

«Может быть, он принимает меня

за кого-то другого? Кого давно не видел и не сразу узнал?» — подумал Сергей Юрьевич, но вместо этого сказал: — Давай.

Они опрокинули стопки и, крикнув, закусили соленым огурцом.

— Хорошо, — сказал хозяин помещения.

— Хорошо, — отозвался Образцов.

На мгновение воцарилась тишина.

— Тебя как зовут? — спросил Образцов.

— Ну что же ты, Юрич? — и детина простодушно улыбнулся.

Взгляд Образцова упал на деревянную табличку, лежащую на столе, на которой было вырезано: «Валентин Кузьмич». Он посмотрел на сидящее перед ним небритое лицо, старую майку неопределенного цвета, треники, тапочки.

— Извини, Кузьмич, — сказал Образцов.

— Ну, вот и славно. Теперь можно еще по одной.

Они выпили и закусили соленым огурцом. Образцов неожиданно почувствовал полное расслабление и улыбнулся:

— Слушай, Кузьмич, а ты работаешь где-нибудь? — спросил Сергей Юрьевич.

— Само собой, — ответил тот.

— А где?

— Слесарь я. Водопроводчик, в общем.

Зазвонил мобильный телефон Образцова.

— Слушаю, — ответил он.

— Сергей Юрьевич, — послышался голос секретарши, — я хотела бы напомнить Вам, что у Вас через час начинаются переговоры. Фирма «С». На их территории, на «Новокузнецкой».

— Ну, мне пора, — сказал Образцов.

— Куда? — осведомился Кузьмич.

— На переговоры,

— И охота тебе?

— Хороший вопрос, — Образцов некоторое время раздумывал над этим, как ему казалось, немного детским вопросом, которым он никогда не задавался. — Можно было бы и без этого обойтись, — сказал он, а потом решительно добавил: — Но надо.

— Зачем? Неохота — и не ходи.

«Как у него все просто получается? — подумал Образцов, — Неохота — и не ходи».

— Как бы тебе это объяснить, Кузьмич, — сказал он. — Вот, ты, например, ходишь на работу?

— Хожу, когда деньги заканчиваются, — отвечал Кузьмич. — У тебя что, деньги сейчас закончились?

— Деньги у меня, допустим, не закончились, но могут легко закончиться,

если я буду манкировать своими обязанностями.

— Так сразу и закончатся? — и водопроводчик с недоверием посмотрел на Образцова.

— Не сразу, конечно, а постепенно.

— Ну, вот. Тогда и пойдешь, — невозмутимо предложил Кузьмич, — а пока, давай еще по одной.

— Тогда будет уже поздно. Для того, чтобы деньги закончились, должны сначала с работы уволить.

— С работы уволить? — очевидно, недоумевая, спросил Кузьмич. — Это как?

«Это, пожалуй, слесарю так просто не объяснишь, — подумал Образцов, — его-то ведь с работы не уволишь». Он вспомнил случай, как несколько лет назад, когда жена была в отъезде, он был вынужден отменить переговоры из-за того, что слесарь мог прийти только в определенное ему, слесарю, удобное

время. И все тут. «Вот она, свобода, — размышлял Образцов, — захотел— пошел на работу, не захотел— не пошел. И семьи у него, очевидно, нет».

— Кузьмич, а у тебя семья есть? — вместо ответа спросил Образцов.

— Нет. Гражданки разные заходят, конечно. Под вечер все больше. А так чтоб семья, этого нет.

— Так и есть, — вслух подумал Образцов, — никаких обязательств. Но перед самим собой-то должны же быть обязательства?

— Какие еще обязательства? Приведи пример, Юрич, — заинтересованно спросил слесарь и налил еще по рюмке.

Они выпили еще по запотелой рюмке водки, закусили духовитой горбушкой бородинского хлеба. Образцов стал неспешно раздумывать над примерами возможных обязательств водопровод-

чика перед самим собой, но в голову сразу ничего не приходило. За окном он видел зеленые деревья. Чирикали воробьи в палисаднике. Образцов почувствовал, что погружается в состояние близкое к нирване.

— Хорошо тут у тебя, — неожиданно для самого себя проговорил Образцов. Потом раздался звонок телефона. Сергей Юрьевич посмотрел на определитель номера, сделал над собой усилие, встал и твердо сказал: — Извини, Кузьмич, мне пора.

— Пора, значит пора, — развел руками слесарь — ну ты, это, того, заходи еще...

— Само собой, — ответил Образцов. Спускаясь по ступенькам, он размышлял над своей склонностью мимикрировать: казалось бы, общался с водопроводчиком не более

часа, а уже заговорил его языком!
«Само собой!»

Вечером того же дня он отправился на вечернюю прогулку с женой. Образцову требовалось обсудить наболевшее за день.

— Ты знаешь, Марина, я сегодня был у водопроводчика. Интересная беседа у нас состоялась, — начал он.

— У кого ты был? — жена с удивлением смотрела на мужа, но Сергей Юрьевич был слишком погружен в свои мысли.

— У водопроводчика — он живет напротив.

— Напротив чего?

— Напротив моей работы, — нетерпеливо пояснял Сергей Юрьевич. Ему хотелось перейти сразу к главному, а детали лишь раздражали его. — Так вот, мы беседовали около часа (при этих словах на лице Марины отразилось

беспокойство за душевное состояние мужа), и я думаю, что этот водопроводчик по-настоящему свободен, — завершил свою мысль Сергей Юрьевич.

— Постой, Сережа, — с тревогой спросила Марина, — с каким еще водопроводчиком ты беседовал целый час? Как ты к нему попал?

Сергея Юрьевича всегда раздражало, когда его отвлекали на не имеющие прямого отношения к делу детали.

— При чем здесь это! Как попал? Зашел просто. Послушай, Марина, я толкую о категории свободы. Тут совершенно не важно, какой именно водопроводчик ее достиг. Вопрос, результатом чего она является.

— Почитай Библию, там все ясно сказано : «Если пребудете в слове Моем, то (вы истинно мои ученики и) познаете истину, а истина сделает вас свободными».

— Истина делает свободным! О чем ты говоришь, Марина! — говорил неверующий Сергей Юрьевич. — Какая истина?! Она у каждого своя. Да и я совсем о другом. Есть конкретный человек, который дальше своего балкона-то не выходит, и выйти не особенно может...

— Он что, инвалид? — с тревогой осведомилась Марина.

— При чем тут инвалид. Здоровый детина! Я имел в виду, что он никуда особенно поехать не может, потому что у него элементарно на это нет денег. А все равно он свободен. Потому что делает, что хочет. Хочет стоять на своем балконе и стоит. И ему хоть бы что.

— И из-за этого он свободен? — спросила Марина с нескрываемым сарказмом.

— Да.

— Лучше расскажи, как ты к нему в гости попал? — этот вопрос ее сейчас волновал гораздо больше, чем абстрактные категории.

— Потом расскажу, — видя отсутствие интереса жены к заданной теме, закруглил разговор Образцов.

На следующий день Образцов, войдя в свой кабинет, первым делом выглянул в окно. Кузьмич, по своему обыкновению, курил на балконе.

«Загляну к нему попозже», — подумал Образцов и действительно снова отправился к Валентину Кузьмичу в полдень.

— Здорово, Кузьмич, — сказал он, входя в квартиру.

Перед водопроводчиком стоял стакан чая. Однако, увидев гостя, Валентин Кузьмич не торопясь встал и направился к холодильнику.

— Здорово, Юрич, — отвечал он, доставая бутылку водки, — проходи, садись.

— Ну, как ты? — поинтересовался Образцов.

— Хорошо, а ты?

— Пробки автомобильные замучили.

— Машин много, — безучастно подтвердил Кузьмич. — Ну, давай. — И они выпили по рюмке водки.

«Ему же все равно. На машине он не ездит», — подумал Образцов, но продолжил излагать наболевшую тему:

— По три-четыре часа в день в машине проводить приходится.

— Да, я слышал, скоро четвертое кольцо мэра строить будет, — поддержал тему Кузьмич.

— Четвертое, потом пятое, так весь город в асфальтовую площадку превратить можно. А сколько своровать можно! Только чем дышать потом, вопрос.

— Это точно, — подтвердил Кузьмич.

— Ни одна столица мира, ни один

мегаполис не справится с потоком всех желающих ездить на автомобиле, — все больше расходился Сергей Юрьевич, — только у нас, как всегда, этого не понимают! Взять, например Лондон или Париж. Там люди с изрядным достатком ездят на работу каждый день на поезде из своих загородных домов!

— А ты, Юрич, тоже на поезде бы ездил, — наивно предложил сантехник.

— Как, интересно знать, ты себе это представляешь? — кипятился Образцов. — В нашей электричке тебя обхватают пять раз за поездку, истопчут начищенные ботинки, а раз в неделю по роже давать станут. Дикость одна и грязь! В пригородных поездах Лондона чистота, порядок, у каждого свое место в билете проставлено. А у нас как всегда! — Образцов даже покраснел от возмущения.

— Да ладно тебе, Юрич! Есть у наших людей склонность к мазохизму, право.

Начнут себя с Европой сравнивать. И тут же выясняется, то им у себя в России не так и это им не нравится. Чем больше сравнивают, тем больше расстраиваются. И для чего все это? Сравнили бы себя лучше с республикой Чад или, скажем, с Конго. Вмиг настроение бы улучшилось.

Сергей Юрьевич внимательно посмотрел на Валентина Кузьмича: «Откуда, интересно, он такие слова знает? Мазохизм? И как гладко излагает?»

— Ты, Кузьмич, не обижайся только, но откуда ты слово «мазохизм» знаешь? — осторожно спросил Образцов.

— Чего ж тут обидного? — как всегда добродушно пояснил слесарь. — Книжки разные читаю. Вон, видишь, — и он показал на разбросанные по углам комнаты стопки книг.

— А ты учиться не пробовал? — спросил Образцов.

— И это было, — туманно отвечал водопроводчик.

— И как?

— Да ушел я с третьего курса Института стали и сплавов, — и Валентин Кузьмич налил по очередной рюмке водки. Они выпили. Крякнули. Закусили краюхой черного хлеба.

— Почему? — спросил Образцов.

— Да надоело. Не мое это.

— А что твое?

— Вот этого я, Юрич, не знаю точно, — неожиданно перейдя на доверительный тон, сказал Валентин Кузьмич. — Ну, давай, — и они выпили еще по рюмке водки. — Бывает, делаешь что-нибудь, и представляется тебе, твое это, а потом пройдет время, глядишь, так опостылеет, что мочи нет. Мне институт поначалу нравился, а потом чувствую — не могу больше. Зато, что не мое, так это я точно всегда знаю.

- А книги любишь читать?
- Книги, это можно, но с ними тоже осторожным надо быть.
- В каком смысле? — поинтересовался Образцов.
- Меру в чтении тоже знать надо,
- Это почему? — удивился Образцов.
- Чрезмерное знание вредно. Мера во всем нужна, — твердил свое слесарь.
- Чем же, Кузьмич, знание вредно может быть? — Образцов с интересом смотрел на Валентина Кузьмича.
- Излишнее знание — счастью помеха.
- Это как?
- Ну ты сам подумай, Юрич..., — отвечал Валентин Кузьмич.
- Здравствуйте, — раздался женский голос. Образцов обернулся и увидел женщину средних лет. Она не

была красавицей, но что-то привлекательное в ней определенно было.

— Знакомься, Ань, это Юрич, — расплылся в улыбке Валентин Кузьмич.

— Очень приятно, — заинтересованно глядя на Сергея Юрьевича, сказала Аня и протянула руку.

Зазвонил мобильный телефон Образцова.

— Сергей Юрьевич, у Вас через десять минут начинаются переговоры, — раздался голос его секретарши.

«Черт возьми», — подумал Образцов, неохотно встал и попрощался.

На переговорах Сергей Юрьевич был рассеян. Перед тем, как ехать домой, он подошел к окну. Кузьмича на балконе не было. Видимо, он все еще занят, — и он подумал о знакомой водопроводчице.

Последующие дни Сергей Юрьевич провел в деловых поездках. Несколь-

ко раз во сне ему являлся Кузьмич. Наливал стопку водки и давал ему выпить. Потом появлялась знакомая Кузьмича Анна. Но почему-то обращалась к Сергею Юрьевичу, называла его Кузьмичом. Со свойственным всякому сну абсурдом, Образцова это ничуть не удивляло, и, более того, с течением времени он и сам стал осознавать, что он и есть Валентин Кузьмич.

Однажды, зайдя в парикмахерскую, Сергей Юрьевич попросил подстричь его короче обычного. На другой день он занемог и целый день оставался в постели. Когда Образцов на следующий день посмотрел на свою небритую физиономию с очень короткой стрижкой, то изумился, насколько он стал похож на своего знакомого водопроводчика.

— Сменили стиль, Сергей Юрьевич? — глядя на его короткую стриж-

ку, приветствовала Образцова секретарша. — Вам идет.

— Спасибо, — поблагодарил ее Образцов. — Что у нас сегодня?

Секретарша перечислила долгий список дел на день.

«Как же неохота всем этим заниматься, — неожиданно для себя подумал Образцов. — А не заглянуть ли мне лучше к Кузьмичу?»

Поработав часов до двенадцати с документами, Образцов вышел из здания, зашел в продуктовый магазин напротив, купил бутылку водки и батон ржаного хлеба. Когда Сергей Юрьевич, зажав в руках водку и хлеб, выходил из магазина, какая-то сотрудница его фирмы с удивлением на него посмотрела.

— Здорово, Кузьмич, — сказал Образцов, переступая порог квартиры.

— Здорово, Юрич. Вот это ты молодец, — увидев нехитрую снедь в руках

Образцова, сказал водопроводчик. Он был, как всегда, в трениках с вытянутыми коленями и майке неопределенного цвета. — Садись, садись.

Валентин Кузьмич достал стопки. Разлили, выпили, крякнули, закусили черным хлебом. Стало хорошо. Помолчали.

— Кузьмич, а помнишь, ты в прошлый раз говорил, что излишнее знание вредно, счастью помеха и все там такое? — спросил Образцов.

— Ну, может, и говорил.

— Но нас прервали: Анна, твоя знакомая пришла.

— Анна этому делу не помеха, это тебе идти надо было.

— Может, и так, — сказал Сергей Юрьевич, — но это не особенно важно. Ты лучше скажи, почему ты полагаешь, что излишнее знание счастью во вред. Помоему, знание лишним быть не может.

— Эх, Юрич, образованный ты человек вроде, а простых правил не разумеешь. А правило такое: всего должно быть в меру. Давай еще по одной.

— Смотри, — не унимался Сергей Юрьевич, — больше знаешь, больше можешь. Даже поговорка такая есть: «предупрежден, значит вооружен».

— Так то предупрежден, это совсем другое.

— Чем больше знаешь, тем больше заработать можешь.

— Ну и что?

— Чем больше можешь заработать, тем лучше будешь жить.

— Это в каком плане? — поинтересовался Кузьмич.

— Кузьмич, что здесь непонятного? — развел руками Образцов.

— Ты, Юрич, счастье с успехом не путай, — и Валентин Кузьмич погрозил пальцем. — Ну, давай еще по одной.

— Давай.

Зазвонил телефон.

— Сергей Юрьевич, у Вас переговоры через полчаса, — сообщила секретарша.

— Я не смогу, — решительно ответил Образцов, — попросите моего помощника Тихонова, пусть он проведет переговоры.

— Сергей Юрьевич, хотела бы Вам напомнить, — добросовестная секретарша немного замялась, — что уровень с противоположной стороны высокий, и Вам лучше бы самому...

— Нет, нет. Тихонов вполне подойдет, — сказал Образцов и отключил телефон.

— Счастье с успехом, говоришь, не путать? — вернулся к прерванной теме Образцов.

— Ну да. Счастье с успехом. Тут ведь как? Люди, Юрич, особенно так называемый «Запад», всегда стремились сделать жизнь более рациональной. В то время

как она, эта жизнь, являет собой полную тому противоположность. Я хочу сказать, что жизнь предельно иррациональна. Но людям это не подходит. Они хотят понимать, почему с ними происходят те или иные события, и оттого начинают выдумывать разные рациональные объяснения и понятия, причинно-следственную связь, например.

— То есть причинно-следственной связи не существует? — улыбнулся Образцов, думая при этом: «Совсем зарпортовался старик».

— По большому счету нет. За исключением простейших систем. Но сейчас не об этом. Так вот в этом своем стремлении к рационализации всего происходящего люди, подчеркиваю, особенно так называемый «Запад», подменили слабо понятную им категорию «счастье» счетной категорией «успех». Счастье для всех свое. Сравнить степень счастья

одного человека с другим бывает затруднительно. Ведь невозможно подсчитать, насколько один счастливее другого. И, следственно, трудно сказать, как можно достичь счастья. Ну, давай еще по одной. — Они выпили, и водопроводчик продолжил свои философствования:

— В то время как категория успеха ясна и понятна. Потому, что она представляет собой счетную единицу. Сколько у человека маек, трусов, домов, машин, самолетов, газет, пароходов? Можно посчитать. И следовательно, становится более или менее понятно, как достичь этого самого успеха. Но возникает вопрос, как сравнить дома одного с фабриками другого. Очень просто: деньги приходят на помощь. Все ценности переоценили и сравнили полученные цифры. И вот — все совсем стало понятно. Один успешнее другого на два рубля, на двести тысяч, на два миллиона,

на два миллиарда и так далее. Но жизнь многограннее. Скажем, допускаешь ли ты, Юрич, мысль, что человек, достигший значительного успеха, может быть глубоко несчастен, скажем, потому, что ему изменяет жена или из-за какого недуга. Да мало ли от чего еще?

— Здравствуйте, здравствуйте, — в комнату вошли две женщины. Одна из них была Анна.

— А, вот кого нам не хватало! — оживился водопроводчик, и взгляд его приобрел прежнее беспечное выражение. — Это Юрич, это Аня, вы с ней уже, кажется, знакомы. А это Клава.

Женщины сели за стол.

— Вот тебе пример, — вещал разгулявшийся водопроводчик, — можешь ты мне сказать, какая из сидящих перед тобой женщин более сексуальна? Одна брюнетка, другая блондинка. Одна весит шестьдесят, другая пятьде-

сят. Одна высокая — сто семьдесят пять сантиметров, другая среднего роста — сто шестьдесят пять. Можно перечислять и дальше эти рациональные показатели, но они не смогут дать ответ о главном, о сексуальности.

Сергей Юрьевич посмотрел на Анну и смутился. «Может, у них так принято — обсуждать дам в их же присутствии, но я так не могу», — подумал он и покраснел. Анна не была красавицей, но Сергей Юрьевич действительно находил ее сексуальной.

— Вот видишь, — торжественно произнес Валентин Кузьмич, — тебе милее Анна. А мне Клава. И, по моему, Анне ты тоже понравился.

В тот вечер Сергей Юрьевич вернулся домой глубоко за полночь. Жена уже спала. Но наутро все же поинтересовалась, где муж провел полночи.

Сергей Юрьевич мог бы что-нибудь соврать про непосильную работу, отнимающую полжизни, но неожиданно для себя он вдруг сказал правду:

— Я был у водопроводчика.

— Вот как? — отвечала жена. — Тогда я сегодня планирую пойти в гости к малярше. Меня не будет до утра.

— Это глупо, Марина. Я действительно был у водопроводчика. Я тебе уже рассказывал про него. Извини, я сейчас опаздываю.

— К водопроводчику, надо понимать?

Сергей Юрьевич грустно посмотрел на жену и вышел.

Но не прошло и двух дней, как он снова отправился к своему новому другу в дневное время. Работа все равно не клеилась. К тому же с недавних пор он сделал для себя открытие, что если отменить некоторые переговоры, а на не-

которые совещания отправить своего помощника, то ничего плохого из этого не выйдет. Одна только польза. В частности, можно и к Кузьмичу зайти.

После традиционных нехитрых приветствий они, как всегда, сели к столу. За окном стояла осень. Тяжелые низкие тучи затягивали небо. Моросил холодный дождь. А у Кузьмича было тепло. Они выпили по одной. Потом еще и еще. Закусили соленым огурцом и краюхой черного хлеба.

— Хорошо у тебя, Кузьмич. Ничего делать не надо. Никуда спешить не надо. Никаких обязательств.

— Это точно, — отвечал Кузьмич, — никаких.

— И даже перед самим собой.

— И даже перед самим собой, — вторил Кузьмич.

— То есть тебе, я вижу, безразлично, что с тобой будет и как пойдет дальше

твоя жизнь? — спрашивал Образцов. — Не беспокоит тебя, что не достигнешь ты никаких высот, не объездишь полмира?

— Не беспокоит, Юрич, — ответил Кузьмич и налил еще по одной. — Да и так ли уж много от меня зависит?

— Э-э-э, Кузьмич, — погрозил пальцем пьянеющий Образцов. — Это вопрос без ответа. Каждый решает его по своему.

— Здесь ты прав, Юрич.

Они выпили еще, потом пришли Анна и Клава. Потом они о чем-то говорили. Анна целовала его, а он целовал Анну, и ему опять казалось, что она самая соблазнительная женщина на свете. Потом Образцов почувствовал полное расслабление.

— А давай, Кузьмич, проверим, — в голову Образцова пришла странная мысль. — Все ли тебе все равно?

- Давай, Юрич, а как?
- Ты же на меня похож ведь? — язык Образцова заплетался.
- Похож, Юрич.
- У меня сейчас переговоры начинаются, так ты сходи за меня, а я тут пока с Анной...
- А как же меня пропустят? — изумился Кузьмич.
- Я тебе удостоверение дам. Одежду мою оденешь. Побреешься, конечно.
- Это допустим, Юрич. Ну, а что я говорить на переговорах буду?
- Ничего сам не говори. Слушай внимательно, что мой помощник Тихонов говорит. Иногда можешь повторить за ним то, что тебе покажется особенно важным. Когда чего спрашивать станут, ему слово давай. И многозначительно кивай головой. А я сейчас ему позвоню и предупрежу, какой сегодня формат переговоров.

— Ну, ежели так, то, конечно, можно, — отвечал Валентин Кузьмич, — но только тебе это, того, Юрич, не повредит все это?

— Не повредит, — отвечал Сергей Юрьевич, к тому времени уже достигший через потребление алкоголя наивысшей точки свободы и познавший полное освобождение от всех обязательств.

Через какое-то время Образцов оторвал голову от стола. Он с удивлением посмотрел на несвойственное ему одеяние, которое состояло из майки неопределенного цвета и треников с вытянутыми коленями. В комнате, обклеенной старыми обоями, никого не было. На улице светило яркое мартовское солнце. Он достал пачку сигарет, закурил и вышел на грязный балкон. Посмотрев на стоящее напротив него здание из стекла

и гранита, он увидел какого-то человека, внимательно рассматривающего его из окна своего кабинета. Он приоткрылся и узнал его.

— А, Кузьмич, — пробормотал Образцов, глядя на своего старого знакомого. — А говорил, что тебе все — все равно. Наврал, значит.

Октябрь 2006

Содержание

Секретарша.....	3
Яко пардус	19
Безумие Петра Сергеевича	34
В ожидании зеленого сигнала светофора	58
Батон и его друзья.	72
Служащий среднего звена.	87
В высоких инстанциях	100
Имидж — все.....	113
Клавдия	128
Поход в парикмахерскую	140
Приз	159
Сын своего отца	202
Валентин Кузьмич.....	224

Литературно-художественное издание

А. Мефодиев
Секретарша

Компьютерная верстка Ю.В. Балабанов
Художник П.П. Ефремов
Корректор С. Хорошкина

Подписано в печать 12.08.2009. Печ. л. 8,5.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Petersburg, формат 60x90/32.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издание отпечатано в ООО «Принтдизайн»,